

ЕВА
Трезор

ЛЮБЛЮ
НЕ НАВИЖУ
ХОЧУ

ОН РАЗРУШИТ МЕНЯ.
А Я ВСЁ РАВНО БУДУ ЕГО.

Ева Трезор

Люблю. Ненавижу. Хочу!

<https://litres.ru/74203639>

Аннотация

Когда мир лежит у ног, запретное становится еще более соблазнительным. Мое искушение носит ледяное имя - Констанция. И она хочет сбежать... Я расскажу вам не о том, как вернуть утраченную любовь. Я расскажу вам, как не прогнуться, когда тебе давят на горло. Интересно, сколько таких историй закончились хорошо на самом деле?

СТРОГО 18+

Эта книга является третьей в цикле «Клеток...». Самостоятельный роман.

Рекомендую ознакомиться с предыдущими книгами, чтобы не шокироваться содержанию.

Доступен Буктрейлер во вкладке рядом.

#бывшие #очень_откровенно #опасные_отношения

✓ Персонажи с разными характерами и не всегда благородными целями;

✓ Нетипичное интригующее повествование;

✓ Много секса, много насилия. Криминальная жизнь, как она есть. Герои огребают от своих решений по полной программе или находят неожиданный выход, который переворачивает все с ног на голову.

✓ Друзья, в книге содержится obscene лексика, но начав читать, вы поймете, что она нисколько не портит книгу, а оживляет героев и помогает лучше понять их мысли и мотивы. Если вы, конечно, вообще допускаете наличие этой лексики в произведении.

Все видео (18+) размещаются в моем телеграм-канале
Eva_Tresor

Содержание

Глава 1. Рейс без тормозов.	5
Глава 2. Я — король, смиритесь	13
Глава 3. Предложение Маттеуса.	25
Глава 3.1. Ложь	33
Глава 4. Проблемы, добро пожаловать.	42
Глава 5. Рафаэл Алмейда.	53
Глава 6. Большие проблемы.	69
Глава 7. Моя маленькая месть.	83
Глава 8. Секрет Констанции.	97
Глава 9. Глазам — не верь.	108
Глава 10. Сколько веревочке не виться...	124
Конец ознакомительного фрагмента.	133

Глава 1. Рейс без тормозов.

Аэропорт в Афинах — это отдельный вид извращения. Мрамор и дешевый пластик. Будто богов выгнали, а ремонт делал прораб с «AliExpress».

Впереди очередь, как перед эвакуацией из тонущего корабля.

Смотрю поверх голов таких же ожидающих, как я. Бесит эта показная невозмутимость

А больше всего меня бесит Констанция, или, как я сокращаю ее мудреное имечко, — Катя. Она, как всегда, хороша. Глаза постоянно возвращаются к ее чудесному платьицу, скроенное будто по лекалам самой Афродиты.

Она смотрит на мир сквозь призму какой-то своей, недоступной мне философии. Словно я — всего лишь один из пунктов в ее идиотском списке дел: «Купить билеты, забронировать отель, трахнуть Романова».

Разглядываю ее — и понимаю: сейчас сорвусь и заставлю стонать так, что услышат все благопристойные греки.

Констанция замечает. Ее еще не искусанные губы слегка изгибаются в едва заметной усмешке. Знает, о чем я сейчас думаю. И ей это нравится. Редкая и притягательная дрянь.

— Все в порядке, Мирон? — спрашивает ровным и спокойным голосом.

— Все заебись, — бурчу в ответ и отворачиваюсь.

Наконец-то эту тягомотину заканчивают, и нас запускают в бизнес-класс. Немноголюдно. И это единственный плюс.

Сажусь в кресло у окна, откидываюсь на спинку, разглядывая первые капли дождя на стекле иллюминатора. Катя садится рядом, пристегивается. Молчит. Чувствую ее мимо-летний взгляд на себе, но игнорирую.

Сейчас мне нужно сосредоточиться. Прикинуть все варианты, просчитать риски. В Бразилии меня ждет что-то нехорошее. Я должен быть готов к неприятностям.

Закрываю глаза.

Дело явно серьезное, раз Маттеус приказал внезапно сорваться из отпуска.

Кажется, передо мной появляется редкий шанс выпустить все, что накопилось внутри. Ярость. Жажду крови.

Дождь лупит в иллюминатор, за стеклом — непроглядная темнота, будто мы ночью летим. Вселенная словно предупреждает. Нет, орет во все горло: какого хера я забыл в этой адской Бразилии?!

Обожаю знаки судьбы.

Катя спокойно сидит рядом, молчит, читает книгу. Эта тишина напрягает меня сильнее, чем когда она пытается меня урезонить.

Хватаю девчонку за руку. Грубо, без предупреждения. Она вздрагивает, поворачивается ко мне. В глазах — тревога и удивление. Редкие эмоции, которые на ее лице можно разглядеть лишь под микроскопом. А сейчас это даже заводит.

— Пошли, — спокойно говорю я, дергая ее за собой.

— Куда?

— Увидишь, — отвечаю, не глядя. Не хочу, чтобы она раньше времени поняла, что у меня сейчас в башке творится.

Останавливаюсь у двери туалета, когда Катя внезапно дергает меня за руку и озирается по сторонам.

Я бесцеремонно заталкиваю ее внутрь, запирая дверь.

Хочу, чтобы она сделала вид, что выбора нет.

Она с любопытством разглядывая то, что скрыто тканью моих джинсов. Глаза горят готовностью. На пухлых губах — сочная красная помада. Это уже призыв для меня.

Делаю шаг вперед. Она не отступает. Смотрит прямо в глаза, уже ждет. Стерва.

Хватаю Катю за плечи прижимаю к стене. Я не целую, а вылизываю ее губы. Затем разворачиваю паршивку лицом к зеркалу. Ее глаза встречаются с моими.

— Ты вроде бы не нервничал... — высокомерным тоном произносит Катя, крепко сжимая пальцами раковину.

— У меня боязнь высоты...

— Конечно... А мне просто нравится твой размер, — Катя плотоядно улыбается и нагло мне дерзит.

Красная помада лежит слишком идеально.

С силой прижимаю ее лицо к зеркалу, вынуждая целовать свое отражение. Помада размазывается по стеклу, превращая идеальную картинку в хаос. И так мне уже нравится больше.

Наматываю красивые каштановые волосы на кулак и резким движением притягиваю к себе, запрокидывая ей голову. Кожа на шее Кати загорелая и нежная. Так и хочется ее кусать.

Другой рукой задираю подол невесомого платья, плавно перевожу взгляд вниз. Кружевные, черные трусики — самая пошлая вещь, которую я видел на ней. Но она это сделала специально. Знает, как меня раззадорить. Знает, что я сейчас сделаю.

Срываю их, не церемонясь. И замечаю ее полные возбуждения глаза.

Ты получишь свое, дорогая, держись.

Вхожу в нее. Жестко, нетерпеливо. Катя вздрагивает, делая резкий вдох, и сжимает зубы. Люблю это выражение лица.

Мне плевать, что мы в ебаном туалете посреди неба. Сейчас есть только она и моя похоть.

Начинаю иметь ее в своей излюбленной манере, а мысль, что эта заносчивая дрянь делает все мне наперекор — сильнее возбуждает.

Подхватываю ее и прижимаю к стене спиной. Ноги ловко обвивают мои бедра. Ее тело извивается в такт движениям. Констанция жаждет этого, прикрывая от наслаждения веки. Ей нравится моя грубость, иначе я не умею. Во время секса мне напрочь срывает крышу...

Чувствую, что она близка к разрядке. Катя впивается мне

в волосы пальцами, отрываясь от губ.

Ускоряю темп. Яростно вдавливаюсь в нее. Хочу, чтобы она кончила. Хочу, чтобы она сошла с ума от удовольствия и дала волю всем своим неидеальным порокам.

Она вскрикивает, выгибаясь всем телом. Пальцы ослабляют хватку, устало проскальзывая по моей шее.

Ее объятия, как душная преисподняя, которая затягивает и иссушает изнутри. Но самое херовое то, что я хочу больше...

Я кончаю. Взрыв.

По венам сейчас бурлит не кровь, а расплавленный ад, обжигающий каждый мускул. Мышцы Кати напрягаются и расслабляются в ритме нарастающего удовольствия. Она часто вдыхает, отдаваясь потоку наслаждения. Я едва ли не теряю сознание, опуская ее на ноги.

В этом маленьком туалете душно от жаркого секса.

Несколько секунд мы стоим так. Она прижимается ко мне. Слишком близко. По-настоящему.

И мне это уже не нравится.

Отстраняюсь.

Катя выглядит чертовски сексуально: лицо измазано помадой, волосы растрепаны. Хочется ее убить и трахнуть одновременно.

— Ты...

— Молчи, — прерываю я, привлекая за шею ближе к своим губам. — Мы еще не закончили...

Она мило улыбается.

Выхожу из туалета. Падаю в кресло и залпом опустошаю бутылку воды.

Через пять минут Катя возвращается. Ее лицо — свежее, а мягкие губы замирают в легкой улыбке, когда наши взгляды встречаются. Она, не говоря ни слова, медленно опускается на колени.

Она берет меня в рот. Сначала — нежно, дразняще. Затем жестче, более властно. Ее рот — это огонь. Обжигает, но и дарит неземное наслаждение.

Катя знает, что нас могут услышать. И всё равно не останавливается... Сосет член, причмокивая, пока я не начинаю хрипло стонать.

Я скольжу стволom по корню ее языка и, добравшись до гладкого горла, замираю...

Чувствую приближение оргазма. Захлебываюсь в ней и злюсь, не понимая, как она это вытворяет.

Гнев отпускает, отступая перед диким, животным удовольствием. И сейчас мне все равно, что я больно дергаю ее за волосы и насаживаю на свой аппарат, остервенело пытаюсь получить столько удовольствия, сколько может дать эта дорогая девка. И, да, мне чертовски льстит, что драть эту чопорную суку в глотку — только моя привилегия.

Кончаю ей в рот. Слышу приглушенный стон.

Катя глотает все, позволяя мне наслаждаться действиями опытного языка. Вытирает губы салфеткой, медленно под-

нимается с колен, опираясь на мои плечи руками. Смотрит сверху вниз, не отпуская взгляд. В глазах — победа.

— Полегчало? — спрашивает она.

Я ухмыляюсь.

— Не надолго, — невзначай запускаю ладонь под ее легкое платье и проскальзывая по промежности... мокрая. Задерживаю там руку, вынуждая Катю прикусить от предвкушения губу, знаю, она уже готова. — А теперь, дай мне поспать.

Все еще ненавижу ее. Но и что-то к ней чувствую, черт возьми. И знаю, что, несмотря ни на что, она будет рядом. И за это я ей... благодарен. Пока снова не захочу ее придушить.

##Констанция##

Я улыбаюсь краем губ, разглядывая свое мутное отражение в зеркале. Можете не делать вид, что не ждете от меня откровений, ведь именно ради них вы заглядываете в чужие спальни, верно?

У меня есть привычка. Прятаться за масками. И самая верная — ледяная и равнодушная. Но только рядом с Мироном я понимаю: эта маска сгорает быстрее шелка на огне. Он вламывается, рушит правила, и я... сдаюсь, потому что никто другой не способен довести меня до такого безумия.

Вы ведь тоже чувствуете, что он не из тех, кого можно забыть?

Поэтому не ждите от меня описания томной неги, блаженной улыбки и прочей чепухи. Поймите, секс с Мироном —

это не романтическое приключение, а казнь.

Не поймите меня неправильно, это не любовь. И даже не похоть в чистом виде. Это... что-то другое. Какая-то первобытная тяга, которую невозможно объяснить.

Отчетливо ощущаю его запах на своей коже, его вкус на губах. Во время секса в моем разуме всегда пульсирует лишь его имя.

Романов думает, что ломает меня. Забавно. Потому что именно в этот момент я решаю, насколько далеко он зайдёт.

И когда я в очередной раз позволяю ему слиться со мной в единое целое, это не похоже на победу. Это всегда его сладкое и неотвратимое поражение... Когда мужчина, привыкший ломать стены, сдается женщине, которая ломает его без единого удара.

Я умею манипулировать мужчинами. И именно это позволяет мне крепко держать их яйца в своем кулаке. Но яйца Мирона постоянно ускользают! Приходится действовать иначе. И это интересно...

Пусть и дальше думает, что я его наркотик.

Но он ещё не понял — я его передоз.

Глава 2. Я — король, смиритесь

За сутки до событий, произошедших на самолете.

Эгейское солнце не щадит никого. Я лениво пазглядываю белые стены арендованной виллы. Констанция что-то увлеченно набирает в телефоне. Слышится ритмичный звук торопливых коготков о дисплей. Идиллия. Мир. Скука смертная. Но, это мой заслуженный отпуск за три года напряженной работы.

Я видел, как Катя загналась от нашего тяжелого и опасного бизнеса, поэтому предложил ей отдохнуть пару недель. Она согласилась.

Жара замучила, но я наслаждаюсь восхитительным чувством расслабления после тяжелой тренировки, поэтому я ни за что не поднимусь с шезлонга. Подсознательно я все-таки жажду хаоса и электрического напряжения, к которому привык. И вот передо мной появляется Катя...

В ее глазах цвета виски с пеплом назревает буря. Черное бикини и открытый топ облегают спортивное тело, словно вторая кожа — явная провокация. Она знает, что я ревную, когда она так откровенно одевается. Всегда делает нагло и бесстыдно демонстрирует свою сексуальность, паршивка. Но, сейчас мы здесь одни.

— Мирон, — произносит она, понизив голос, но он сочится ядом — мой излюбленный тембр. — Констанция во-

обще-то пытается решить проблему, которую Толик по своей глупости создал, но тебе, похоже, все равно.

А вот и она, искра, в которой я так нуждаюсь.

Я легко взбалтываю жидкость в бокале, в моих глазах загорается хищный огонек.

— И тебе добрый вечер, Катя.

— Кое-кто постоянно испытывает мое терпение, — огрызается она. — Если бы ты хоть немного ко мне прислушивался, то косяки с грузом...

— Проблемы делают жизнь интересной, — перебиваю, снова откидываясь на спинку шезлонга и оглядываю эту холодную королеву с ног до головы. — К тому же, я уверен, Констанция не отказалась бы от небольшого... релакса.

Ее челюсть сжимается.

— Даже терпеливая Констанция устала от твоих игр, Романов, — язвит она, акцентируя последнее слово.

Хватит. Довольно прелюдий.

Поднимаюсь на ноги плавным и выверенным движением. В воздухе чувствуется наэлектризованность.

— Знаешь что? Ты права. Проблема есть, но я решу ее позже. А сейчас мне просто скучно.

Делаю шаг в ее сторону, и Катя инстинктивно отступает. Медленно перевожу свой взгляд на стояк в плавках — она все понимает.

— Держись от меня подальше, Мирон. До тех пор, пока я не сообщу Маттеусу, что с нашей стороны все четко сра-

ботано.

Игнорирую предупреждение и хмурюсь, сокращая дистанцию. Мгновение — и ее хрупкое запястье уже зажато.

— О, я очень серьезен, Катя. Особенно, когда вопрос касается денег. Но сейчас мне нравится, что ты теряешь контроль и нервничаешь. Это добавляет хоть какие-то искренние эмоции твоему лицу.

— Отпусти, — твердо произносит она, пытаясь вырвать руку, будто уверена, что у нее это получится. Но я же сильнее.

— Используешь один из своих приемчиков?

Она мастерски выворачивает руку, и мне приходится разжать пальцы.

— Не хочу напрягаться... Этого достаточно, — Констанция пронзает меня серьезным взглядом, преисполненным чувством превосходства, и собирается уходить.

Не говоря ни слова, крепко хватаю нахалку за горло, так, чтобы почувствовать пульсацию яремной вены. Мы цепляемся взглядами, прежде чем я толкаю ее на диван из ротанга.

Протесты Констанции остаются позади. Она сопротивляется, но это сопротивление слабое, почти театральное. Она хочет меня. Это заметно в учащенном дыхании, в ее жаждущем пристальном взгляде.

— Ты думаешь, что можешь хватать меня, когда захочешь? — ровным голосом спрашивает она.

Я возвышаюсь над ней, поглощая ее своей тенью.

— Ты забываешься.

Не жду ответа — крепко хватаюсь за тонкую ткань и разрываю топ, обнажая красивую упругую грудь.

Катя вскрикивает. В этом крике смешиваются неожиданность, восторг и предвкушение. Ей едва ли удастся сдержать довольную ухмылку.

Констанция выглядит восхитительно. Беззащитная и вызывающая. Беззащитная совсем иногда, когда у нее такое настроение. Но всегда помню, что она не менее хладнокровная убийца, чем я...

— Ты ахуенная, Катя. И у нас крутой секс. Но... не забывай, что я могу с тобой сделать.

Ей, похоже, льстит мое признание, она легко улыбается, застенчиво опуская глаза.

Наклоняюсь, кусая ее шею, достаточно, чтобы оставить след. Она делает тихий вдох, и этот звук сильнее подстегивает мое желание.

Ее соски твердые и возбужденные, так и напрашиваются на прикосновение. Она поглаживает меня своей ступней, ведет кончиком большого пальца по икрам и пытается добраться выше...

Накрываю языком один сосок, затем другой, дразню и мучаю ее. Катя выгибается, сжимая руки в кулаки.

— Трахни меня, раз решил, — легко стонет она, а голос звучит ниже, чем обычно.

Констанция всегда прямо заявляет о своих желаниях. Это

я просто обожаю...

Но сейчас игнорирую, опускаюсь ниже, целую ее живот, бедра, внутреннюю часть бедер. Для меня наблюдать за ее сладостными муками — едва ли не самый мощный афродизиак. Шикарное тело извивается подо мной, напрягаясь от предвкушения.

— Мирон, давай... — стонет она, проскальзывая пальцами по моей шее и притягивая к своим губам.

Я хочу услышать, как она умоляет. Люблю дразнить эту наглую бестию.

Отвлекая ее поцелуем и тянусь к манящим черным плавкам, срывая их одним быстрым движением.

Прижимаю палец к ее клитору, и Катя снова стонет, цепляясь пальцами за подлокотник дивана и закидывает голову, демонстрируя красивую шею с ярким засосом.

Уверенным движением раздвигаю ее бедра, устраиваясь между ними. Смотрю в жаждущие глаза, узнавая голод, отчаяние и покорность.

— Скажи, — требую я, — что хочешь меня.

— Хочу... — шепчет она, голос едва слышен. — Хочу глубоко и больно...

Мне не нужно повторять дважды.

Резким ударом врываюсь в нее, теряя над собой контроль, поддавшись животному инстинкту, вдавливая ее в мягкую обивку дивана.

Расслабленное жарой тело податливо отзывается на мой

напор. Прикусываю ее плечо, отмечая, словно меткой, захваченную территорию. Катя вскрикивает. Звук, в котором смешаны удовольствие и боль — моя любимая музыка.

Я не сдерживаюсь. Вдалбливаюсь в нее, заявляя права на это тело, клеймя.

Воздух наполняется звуками прерывистого дыхания, нашими стонами и криками.

Ее оргазм — это землетрясение, эпицентр которого — я. Наслаждаюсь дрожью прекрасного тела, которое принимает то наслаждение, которое я ей дарю. Вхожу глубже, подтягивая на себя гладкие бедра, и не позволяю соскочить, когда Катя себя не контролирует.

И затем, я взрываюсь. Стираю себя из этой реальности на половину гребаной минуты.

Падаю на Катю, часто вдыхая раскаленный воздух. Она безвольно лежит снизу. Горячая. Кожа, покрытая капельками пота, снова возбуждает. В Греции ахуенно жарко в это время года, и вечер не особенно приносит облегчение.

Через мгновение я слезаю с нее, оставляя расслабленную и удовлетворенную Катю на диване. Она выглядит отпадно с моей спермой на животе и играющей на ее розовых губах легкой улыбкой.

— Ты псих. Но никто меня не трахал так, как ты, Мирон,
— выдыхает она.

Ухмыляясь очевидному.

— И тебе это нравится. Признайся, Мирон...

— Не ожидай, что это что-либо изменит, Катя. Ты по-прежнему меня ужасно бесишь.

Жадно целую ее в губы и покидаю, оставляя в воздухе запах секса и греха, а сам заваливаюсь на гамак в тени. Я сделал то, что хотел, и взял то, что мне нужно. И это, пожалуй, все, что имеет значение на сегодня.

Может быть, теперь она заткнется с той маленькой проблемой, которая возникла по неосмотрительности Толика.

Солнце опускается за горизонт, раскрашивая небо в оттенки оранжевого и фиолетового. Мир прекрасен. И я — хозяин своего мира. Пока что. Засыпаю, забывая обо всем.

##Констанция##

Итак... вам любопытно, не так ли? Хотите знать, что связывает меня с Мироном Романовым? Что ж, я не против поделиться кое-какими деталями. Я рассказываю об этом, чтобы вы хоть немного поняли, какой я человек.

Не думайте, что я, как наивная школьница, потеряла голову от его брутальной внешности и дьявольского взгляда. Меня интересует содержание. И, поверьте, содержание Мирона оказалось... весьма любопытным.

Знаете, что первым делом я сделала, когда этот чертовски привлекательный мужчина замаячил на горизонте? Вы совершенно правы — навела справки. Случайностям я не верю. Особенно, когда речь идет о мужчинах, для которых смерть и опасность — это не просто слова, а то, чем они живут и дышат.

До того, как он совершил свой первый промах — убийство Никоса, если кто забыл, я уже знала о нем больше, чем его собственная мать. Вы знаете, кто такой Никос? Если нет — очень нехороший человек... Почему я утверждаю, что это промах? Потому что с этого момента Мирон оказался втянут в игру, из которой не существует выхода. И да, убийство Никоса меня нисколько не удивило. Я ожидала подобное после того, как Мирон отдал семейный бизнес главному конкуренту и предпочел другой путь. Свой.

Позвольте мне немного освежить вашу память. Жизнь Мирона Романова — сплошная чернуха. Неоднократно привлекался за хулиганство и нанесение тяжких телесных... Потом отмотал в тюрьме четыре года под крылом Никоса. И самое пикантное — досрочное освобождение. А чем Мирон отплатил Никосу за такую щедрость, я сказала ранее. Впрочем, это детали, которые меня мало занимают. Суть ясна: он очень, очень плохой парень.

А еще он был женат и развелся. Причины? Меня не интересуют. Предполагаю, что его неженка Анжелика не выдержала жизни с таким зверем.

И вот, на этом этапе наши пути пересеклись. Судьба? Едва ли. Скорее, мой точный расчет.

##Мирон##

Ритмичный скрип гамака. Прохладное утро.

Обычно, я наслаждался бы этим моментом, но сегодня странное предчувствие. Темная и гнетущая тревога. Непри-

вычно.

Встаю и разминаюсь после неудобного сна в чертовом гамаке.

Даже сейчас я излучаю силу, словно Геракл и Эрос в одном флаконе. Какой же я скромняга, надо что-то с этим делать.

Тишину разрывает пронзительный звонок телефона, подтверждая мои опасения. Чертыхаюсь сквозь зубы, нашаривая устройство в складках гамака. Это Фернандо, дотошный помощник Маттеуса, блядь.

— Что? — рывкаю, еще хриплым от сна голосом. — Надеюсь, это чертовски важно, Фернандо. Ты знаешь, я ненавижу, когда меня будят до полудня.

— Сеньор Романов, я приношу свои извинения за вторжение в ваш отпуск, но это срочно, — в голосе Фернандо сквозит едва скрываемая паника.

— Говори, твою мать, быстрее. Что стряслось?! — злюсь я.

Фернандо бесит! Несмотря на отличное знание русского языка, общается он едва понятно. Он сдержанный и тщательно подбирает слова. Будто боится, что Маттеус ему в башку выстрелит, скажи он что не так.

— Маттеус срочно вызывает вас в Бразилию.

Кажется, отдых окончен.

— Что, черт возьми, там случилось?

— Срочный личный разговор. Маттеус приказывает при-

ехать, сеньор Романов. Сейчас же.

— Вылетаю первым рейсом.

Нужно двигаться. Быстро. Маттеус хочет общаться. Если лично — значит что-то серьезное. Очень интересно.

Констанция. Я должен ей сказать.

Врываюсь в виллу через тяжелые деревянные двери и облегченно вздыхаю — кондиционер невероятная вещь в этом аду.

Я нахожу Констанцию в нашей спальне. И на мгновение замираю.

Она спит крепко. Лицо безмятежное. Длинные волосы раскиданы по шелковой наволочке. Простыня сползла, открывая изгиб плеча. А ровное дыхание заставляет мое сердце биться чаще... Она выглядит... ангельски. Только, когда спит.

Мое тело инстинктивно реагирует. Вид ее, такой беззащитной и прекрасной, зажигает знакомый огонь. Мой ствол оживает и мгновенно твердеет под тканью льняных брюк. Я хочу залезть к ней в постель, потеряться в удовольствии, которое она так охотно дарит.

Но нет. Сейчас не время.

Я должен держать себя в руках. Дела. Маттеус ждет.

Заставляю себя отвести взгляд от ее полуобнаженного тела.

Выдыхаю.

Аккуратно сажусь на край кровати, стараясь не разбудить

Катю. Не хочу, чтобы она волновалась раньше времени.

— Катя, — тихо зову я и провожу пальцем по ее плечу.

— Констанция, пора вставать.

Она что-то невнятно бормочет и переворачивается на другой бок, отворачиваясь от меня.

Улыбаюсь. Спит, как убитая.

— Мне нужно, чтобы ты проснулась, — говорю я немного громче, целуя ее в шею. — У нас появились дела.

Она наконец открывает глаза, сонно хлопая ресницами, пока я ласкаю губами мочку ее уха. Член в штанах больно напрягается и жаждет ее.

Целую пухлые губки, и вселенная схлопывается до размеров карих глаз — таких же манящих, как и опасных.

— Ну и? — спрашивает она. — Что случилось?

Я выдыхаю и снова впиваюсь в ее губы, от которых никак не могу оторваться. Ведьма...

— Возникли срочные дела, — выдыхаю я. — Нужно лететь в Бразилию.

Ее глаза мгновенно расширяются.

— В Бразилию? Что-то случилось, Мирон?!

— Маттеус хочет пообщаться со мной, — выпаливаю я. — Лично.

Лицо Констанции сразу становится серьезным. Она садится в кровати, натягивая на себя простыню.

— Собирай вещи, улетаем сегодня.

Выхожу на террасу, вдыхая свежий утренний воздух. На-

до выяснить, в чем дело. Давние враги самого опасного наркобарона Бразилии снова заявили о себе?

Телефон вибрирует. Фернандо.

— Сеньор Романов, я не должен этого говорить, — опять мнется Фернандо, черт бы его побрал.

— Говори, как есть.

— Но с Маттеусом не все в порядке... И дело не только в этом. Бизнес давят, пока босс слаб. Если не поторопитесь...

Меня гложет только один вопрос: почему я об этом только узнаю?! И отчего-то у меня предчувствие, что в Бразилии будет жарко. И крови будет много.

Глава 3. Предложение Маттеуса.

В аэропорту Рио уже ждет черный лимузин.

К нам направляется один из водителей Маттеуса.

— Bienvenido a Brasil, señor Romanov, Matteus le está esperando, hombre! Señorita Constance. — улыбаясь произносит он.

— Да, да, — равнодушно отвечаю, натягивая притворную обаятельную улыбку, — как всегда, ни хера непонятно, но я тебе улыбнусь. Катя, где мой переводчик?

— В одном из моих чемоданов, сеньор Романов. Как только приедем, я поищу вашу гарнитуру, — с усмешкой во взгляде отвечает эта бестия.

Игнорирую, просто наслаждаюсь прохладой внутри лимузина и закрываю глаза.

— Спроси, у них здесь есть, что выпить?

Катя демонстративно нажимает кнопку на панели, и открывается бар. Она достает национальный бразильский напиток — кашаса, медленно открывая банку.

С наслаждением делаю глоток и закрываю глаза.

— Чертово пойло слишком крепкое.

Констанция хмыкает и отводит взгляд в окно.

Довольно быстро мы приезжаем в башню Маттеуса и проходим в его излюбленный дорогой ресторан.

— Держи, — Катя передает мне гаджет — автоматиче-

ский переводчик их болтовни с португальского.

Сразу же цепляю его к уху.

Последний раз я видел Маттеуса четыре месяца назад, когда мы согласовывали новый маршрут через океан. С тех пор он сильно изменился. Помню, Фернандо упоминал вскользь о какой-то болезни, но из этого придурка невозможно вытащить информацию.

Этот мужик невероятная глыба, скала, несокрушимый стержень нашей ебаной империи — выглядит как выжатый лимон. Бледный, осунувшийся, с мешками под глазами. Он улыбается, но ему мучительно больно. Смерть смотрит на меня прямо через его глаза.

Маттеус начинает сильно и продолжительно кашлять. Фернандо, высокий и бледноватый для бразильца, заботливо протягивает ему салфетку.

Констанция сидит рядом. На ее лице полнейшее равнодушие, как обычно. Но я чувствую, как она напряжена. Чувствую, как бешено колотится ее сердце. Она тоже видит. Видит, что это конец.

Рядом с Маттеусом сидит Жорже, глава службы безопасности, несколько аналитиков, финансисты — почти все важные люди нашего картеля...

Маттеус кашляет. Долго. Затем переводит на меня странноватый взгляд:

— Мне осталось мало времени.

Маттеус делает глоток вина. Его рука слегка дрожит. Он

поднимается и обнимает меня, шепчет на ухо приветствие и как он рад меня видеть. Наверное, это единственные фразы, которые я выучил на португальском.

— Палач вернулся в Бразилию. Домой, — произносит Маттеус с улыбкой.

— Дурацкое прозвище ненавистников, — бурчу почти себе под нос. Жорже усмехается.

— Не скажи, Мирон. Твое появление почти всегда предвещает смерть.

Игнорирую, но Жорже прав.

— Мирон, я знаю, ты не любишь долгие разговоры, — продолжает Маттеус, его голос хриплый и тихий. Мой гаджет в ухе мгновенно доносит смысл сказанных им слов. — Поэтому перейду сразу к делу. Я болен.

Он выдерживает паузу, словно дает мне время переварить эту новость. Или, скорее, приговор.

— Рак, — продолжает он. — Мне осталось недолго. Кто бы мог подумать, я — босс бразильского наркокартеля, а мои деньги не могут спасти меня.

Сука. Это все, что вертится у меня в голове. Сука, сука, сука! Не может быть. Это какая-то ошибка. Но я вижу в его глазах, что это правда. И эта мысль теперь пульсирует в моем мозге.

— Я позаботился о своей семье, — говорит Маттеус. — Они будут обеспечены. Но...

Он замолкает, и я понимаю, что сейчас он скажет то, чего

я меньше всего хочу услышать.

— Мне нужен кто-то, кто позаботится о моем бизнесе, сына у меня, как знаешь, нет, — произносит он наконец. — Нужен тот, кому я доверяю. Тот, кто сможет удержать все это дерьмо вместе.

Он смотрит прямо на меня. И в его взгляде — просьба. Мольба. И бремя ответственности, которое я не хочу нести.

— Я прошу тебя, Мирон, — говорит он. — Останься здесь. На два-три месяца. Чтобы ты мог войти в курс всех дел. Чтобы я мог убедиться, что все останется в надежных руках.

Молчу.

Смотрю на Маттеуса, затем на Констанцию. Вижу удивление и растерянность в карих глазах. Она не ожидала этого. Никто не ожидал.

Я могу отказаться. Прямо сейчас!

Но тогда он умрёт, зная, что я слил всё, что мы строили.

— Я подумаю, — говорю наконец.

Это ложь. Я уже принял решение. Просто не хочу произносить его вслух, чтобы не разочаровать Маттеуса.

Маттеус кивает. Его лицо немного светлеет.

— Есть еще одна вещь, — говорит он. — Я должен это сказать, потому что не хочу подставить тебя.

Он оглядывается по сторонам, словно боится, что нас подслушивают.

— Раньше у нас были проблемы. На заре моего бизнеса,

— он откашливается. — С мелкими бандюками, с полицией, с конкурентами. Это было неизбежно. Но сейчас все иначе.

Его голос становится тише, почти шепот.

— Но самым опасным всегда был... — говорит он. — Тот, кто не играет по правилам. И он готов на все, Мирон.

Маттеус выдерживает паузу, и в этот момент я понимаю, что он говорит о чем-то действительно серьезном.

— Его зовут Рафаэл Алмейда, — произносит он, и я невольно замечаю, как вздрагивает Фернандо. — И он перешел в наступление. Как терпеливая гиена, он ждал пока мне не станет херово. Поэтому я срочно вызвал тебя. Время играет против нас.

— Кто это такой? — спрашиваю я.

— Он работал на меня, — отвечает Маттеус и откашливается. — Был моим самым верным человеком. Но... Ему захотелось большего, как обычно это и бывает. Рафаэл ведет свои дела в Америке. У него тот же бизнес, что и у нас. Но мне удалось поделить с ним сферы влияния, и мы оба остались довольны. До недавнего времени.

— Он не просто предал, — жестко говорит Жорже. — Он убил тех, кто ему доверил.

Маттеус снова делает глоток вина и кашляет. Пристально смотрит на меня.

— Ты должен быть осторожен, Мирон, — говорит он. — Он знает, кто ты такой. Он будет пытаться тебя уничтожить, если ты согласишься принять мои условия. А ты согласишь-

ся, ведь без меня и моего товара — у тебя не останется почти никакой прибыли.

В его глазах мелькает прежний огонь. Хитрый лис. Будь ты проклят, старый друг.

— И что мне делать? — спрашиваю я.

Маттеус усмехается.

— Что ты обычно делаешь? — спрашивает он.

Я усмехаюсь в ответ.

— Уничтожаю, — говорю я.

Маттеус кивает и смотрит на свои трясущиеся пальцы, потом опускает руку.

— Мирон, этот путь невероятно тяжел. Но, если ты его пройдешь и удержишь мою империю — у тебя будет все.

Наступает тишина.

— Я устал, мне нужно отдохнуть. Фернандо, накорми наших друзей, — Маттеус поднимается из-за стола. — Констанция, надеюсь, ты и дальше будешь помогать Мирону. Ты мне как дочь. Всегда была и всегда останешься.

— Я не голоден, — отвечаю я. — Мне тоже надо отдохнуть.

Фернандо кивает одному из охранников Маттеуса, и тот сопровождает меня в мою комнату.

Прокручиваю в голове слова Маттеуса, словно ебанный кубик Рубика, пытаюсь собрать правильную комбинацию. Но пазл не складывается.

Эта чертова власть... Она манит. Это как наркотик. Один

раз попробовал — и ты пропал.

Но какой ценой? Жизнь в этом гадюшнике, среди лицемеров и убийц? Не моя игра. Я всегда был одиночкой. А тут предлагают стать вожаком стаи.

Тоска давит на грудь. Хочется сорваться, разнести этот номер к чертям собачьим. Разбить зеркала, порвать шторы. Выпустить пар.

Но нельзя. Нужно держать себя в руках.

Полгода без сигарет — вроде привык. А сейчас, как никогда, хочется затянуться, почувствовать никотин, заполняющий легкие. Это как прикосновение к старинному другу. Тоска по чему-то, что было частью тебя, что помогало пережить трудные времена.

Я встаю и подхожу к окну.

И вдруг понимаю, что дело не только в власти. Не только в долге перед Маттеусом.

Дело и в Констанции.

Она была удивлена, когда Маттеус предложил мне остаться. И это мне понравилось. И это... меня завело. Констанция. Всегда такая уверенная, такая с виду неприступная, на мгновение потеряла контроль. Не знала, что происходит или знала не до конца...

В одном я точно уверен — она не будет мне так же предана, как Маттеусу. Их связывает что-то другое. Что-то личное. Сегодня он назвал ее дочерью. Почему? Первый раз за все время нашего знакомства. А она едва сдерживала слезы,

но не сдалась им. Наверное, у суки действительно есть сердце.

Не замечаю, как отрубаясь на мягкой постели. Сплю тревожно, ночью просыпался и принимал успокоительное в виде «Джек Дениелса» в формате порции для Микки Мауса. Полегчало.

Проваливаюсь в кошмар.

Глава 3.1. Ложь

Просыпаюсь от шума льющейся воды. Сквозь дрему — мутное осознание.

Где я, кто я? Рио. Номер отеля. Маттеус.

И гнетущая неопределенность.

Откидываю покрывало и иду на звук. Ванная.

Приоткрываю дверь. И замираю.

Констанция. Обнаженная. Под струями воды.

Вода стекает по ее телу, как по мраморной статуе. Ее соски — твердые, как бусины. Мокрые волосы. Она выглядит нереально. Наверное, стою открыв рот, как тот койот из мультфильма.

Член реагирует мгновенно. Никакой логики или расчетов. Чисто голый животный инстинкт, освобожденный от оков морали.

Я захожу в ванную. Она не вздрагивает. Словно ждала.

— Доброе утро, — говорю, стараясь, чтобы голос звучал максимально равнодушно.

Она поворачивается ко мне лицом. На губах — легкая улыбка.

Кивает в ответ.

— У меня есть вопрос и мне нужен ответ, Катя. Честный.

— Прежде, чем я отвечу на твой вопрос, скажи мне, что ты готов отдать взамен? Честность за честность, или ты хо-

чешь получить ответ, пытая меня?

— пытки? Старомодно. Но если это единственное, что заставит тебя говорить правду... Кто я такой, чтобы лишать тебя удовольствия? Впрочем, мне не обязательно рассчитывать на твою честность... — я подхожу ближе, вынуждая ее смотреть мне в глаза. — Сгодится и твое полное подчинение. Маттеус передал бразды правления мне. Помнишь? А я должен знать все о тех, с кем работаю...

— Полное подчинение? Ты правда считаешь, что это возможно? — она растягивает предложения в излюбленной манере и легко улыбается, будто знает то, чего не знаю я. — Маттеус отдал тебе бразды правления *своей* империей, но он явно забыл передать тебе мой поводок. Я подчиняюсь Маттеусу, потому что уважаю его...

— Или боишься.

— Не твое дело.

— Ответь, — говорю я, делая шаг к ней.

— Разве не очевидно? — она выключает воду и берет полотенце, не спеша вытираясь. — Я люблю большие деньги, также, как и ты.

— Не ври мне, — говорю я, лаская пальцами ее плечи. — Что связывает тебя с Маттеусом? Почему он сказал, что ты ему, как дочь?

Она уклоняется от моего взгляда.

— Это сложно, — неохотно отвечает Катя.

— Мне нравятся головоломки, разберусь, — притягиваю

ее к себе.

Ее кожа пахнет чистотой и сексом. Я провожу рукой по ее спине, ощущая каждую впадину.

— Мирон, не сейчас, — шепчет Констанция.

— Ты в моем душе. И отказываешь? — целую красотку в шею, на которой красуется недавно оставленная мной метка.

Катя поднимает голову выше и отвечает на поцелуй со всей страстью, которая ей присуща. Ее губы мягкие, влажные. Язык так и рвется в бой, я позволяю это.

Медленно касаюсь ее бедер и с наслаждением ласкаю через полотенце, которое едва прикрывает.

— Ты так красиво лжешь, Констанция, — шепчу и провожу пальцами по ее ключицам, надавливая в центр большим пальцем. — Но я чувствую, как бьется твое сердце. Оно хочет рассказать правду о твоём прошлом...

Она смеется, но в глазах мелькает страх.

— О, Мирон, ты флиртуешь?! Как персонаж из романа.

Резко прижимаю ее спиной к стене.

— А ты — та самая героиня, которая убегает от своего прошлого. Но куда ты убежишь сейчас?

Ее дыхание учащается, но голос остается ледяным.

— Мне нравится способ, которым ты пытаешься запугать меня. Это... мило.

Моя рука нагло скользит под полотенце.

— Я не пытаюсь запугать. Ответь.

— Тебе просто нравится играть в детектива между моих

ног? — едва слышно произносит она и снова проникает языком мне в рот.

Пытается отвлечь.

Но я не отступлю.

Останавливаю.

— Я слушаю, — сохраняю пару сантиметров между нашими губами. — Ответь, как ты попала в этот бизнес? И потом я организую тебе прекрасное начало дня...

Она какое-то время молчит, собираясь с мыслями, поглядывая на мои мускулы и неуёмный стояк в боксерах.

— Выражаясь твоими словами — дерьмо случается, — улыбается паршивка.

Улыбка, как удар ножом. Вызывает взрыв ярости. Терпение лопнуло, как гребаный воздушный шарик. Его и так никогда не было в избытке, а тут еще эта сука играет со мной.

Бью кулаком по стене рядом с ее головой. Впиваюсь безумным взглядом в Катю. Хочу вырвать из нее правду.

— Больше никаких игр, — рычу я, хватая ее за горло. Пальцы сжимаются, перекрывая доступ к воздуху. — Отвечай на вопрос. Прямо сейчас. Я должен быть уверен в своих людях.

Она не сопротивляется. Смотрит прямо в глаза и считает секунды. Она точно знает, когда меня остановить. Вопрос лишь в том, перейду ли я эту грань...

— Мирон, ты делаешь больно, — говорит Констанция неожиданно тихим и ласковым голосом.

— Катя, не доводи... — целую трепетные губы.

В ее глазах — страх. Настоящий, не наигранный. Дрянь боится, что я узнаю что-то интересное...

Победа? Нет...

Она молчит. Смотрит на меня, как овечка на волка.

Полотенце летит в сторону, обнажая совершенное тело.

Она бьёт первой.

Я не успеваю!

Воздух выбивает из лёгких.

И в этот момент понимаю — я её недооценил.

Я сгибаюсь пополам, хватаясь за бок.

— Блядь! — выдыхаю сквозь зубы.

Она не дает мне опомниться — валит на пол. Ее нога, изящно двигаясь, обвивается вокруг моей шеи. Удушающий прием.

Инстинктивно хватаюсь за ее бедро, чувствуя, как под кожей вздыбились твердые, как сталь, мышцы.

Не отпускает.

— По-плохому хочешь? — хриплю я, пытаюсь ослабить ее хватку.

Катя молчит, лишь сильнее пережимает мне горло. Она больше не давит, просто хочет показать мое «место».

Ну, дрянь, ты за это получишь сполна!

Рывок.

С силой скидываю нону со своей шеи. Расчет оказался верен. Она замешкалась. Я пользуюсь моментом и, сбрасывая

ее с себя, отползаю к стене, хватая ртом воздух.

Она стоит передо мной, обнаженная, как Афродита, но с горящими яростью глазами.

Идеальная растяжка позволяет ей вытворять сумасшедшие вещи.

— У тебя, блядь, талант, — кашляю я, оценивая ситуацию. Не буду нападать первым. Лучше выждать и понять, что она собирается делать.

Катя резко подается вниз руками, подхватывает ногами полотенце, закрывая обзор

Пятка попадает прямиком в мое колено, пронзая острой болью.

Сука знает, куда бить.

Я отступаю, маневрируя между унитазом и раковиной, натываясь на шкафы и полки. Эта ванная превращается в ринг.

Удар. Блок. Удар. Блок. Она двигается как машина, не давая мне передышки, а глаза горят, как у ведьмы! Я больше защищаюсь, чем нападаю. Сила все же на моей стороне, но ее скорость и ловкость — это нечто.

В какую-то счастливую секунду, уловив момент, я перехватываю ее ногу, сильно сжимаю, выворачивая сустав. Она кричит, но локоть бьет точно мне в скулу.

— Хватит, блядь! — отталкиваю ее к стене.

Она неумолима. Такая сексуальная, когда в ярости. Но это уже перебор.

Хватаю злосчастное полотенце, отразив им очередной

удар и скручиваю руки Кати.

Молчание как передышка.

Она высокомерно сверлит меня взглядом и пытается отдышаться. Красивая грудь, прижатая ко мне, сексуально вздымается.

— Свободна, — выдыхаю ей в губы и отталкиваю от себя.

— Иди к черту! — гневно бросает Катя и, прихватив полотенце, сваливает из моей комнаты.

##Констанция##

В ванной было не выяснение отношений. Это была попытка сломать друг друга.

Он давил. Я не ломалась. Мое прошлое касается только меня. Что ж, справедливости ради, стоит отметить, что разорвать на части пыталась скорее я, чем он.

Вы же не думали, что все эти годы я училась только носить каблуки?

Смотрю в зеркало. В глазах — блеск. Это не страх. Азарт. Небольшая ссадина на скуле. Пустяки, рабочие моменты. Мирон, конечно, не промах. Он силен. Но сила — не единственный способ выигрывать.

Признание Маттеуса в смертельной болезни... Неожиданно. Он решил напоследок выложить карты на стол. Маттеус, Маттеус...

Умиравший король.

И все делают вид, что трон ещё не пуст.

Смотрю на свои руки. Они дрожат. Нет, это не волнение.

Это... растерянность.

Я пропустила самое важное.

Слишком увлеклась делами в России и... Мироном. Скользкому Фернандо удалось скрыть состояние Маттеуса...

Босс разыграл свою последнюю карту. Так еще и отдал империю Мирону!

Все руководство картеля услышало его волю и теперь правила сломаны. И я больше не знаю, чего ожидать.

Мирон — непредсказуемый. Везде сеет хаос. Но порой хаос оказывается самым точным оружием.

И все же... Я улыбаюсь, потому что это открывает передо мной совершенно новые перспективы.

Мирон думает, что получил власть. Посмотрим, как быстро она начнет его ломать.

Я помню его взгляд. В глазах — триумф и растерянность. Мирон еще не осознал до конца, что на него свалилось. Что теперь он стал настоящим игроком.

И вот тут-то и начинается самое интересное. Потому что Мирон — хороший солдат, но плохой стратег. Он умеет выполнять приказы, но не умеет их отдавать. Он умеет убивать, но не умеет управлять.

Но я обязательно помогу. Направлю...

Но есть и обратная сторона медали. Мирон импульсивен. А импульсивность в таком бизнесе — это прямой путь к краху. Он может наломать дров, нажить себе врагов, совершить ошибки, которые будут стоить нам всем очень дорого.

И я боюсь, что жажда власти ослепит. Что Мирон начнет принимать глупые решения или станет параноиком...

Если он не справится — меня убьют.

Если справится — возможно, тоже.

Глава 4. Проблемы, добро пожаловать.

Четыре месяца, как я застрял в Рио в роскошной башне Маттеуса.

И я уже понимаю: отсюда не выходят. Только выносят. Причем вперед ногами.

Всего этого слишком много для одного человека.

Каждый день — встречи, переговоры, сделки, угрозы. Фернандо и Жорже с телохранителями сопровождают меня абсолютно везде.

Меня вполне устраивал тот кусок пирога, который у меня был до предложения Маттеуса. Но теперь судьба заставляет жрать все.

Маттеус... Он лежит в роскошной спальне, окруженный сиделками и врачами. Кислородная маска на лице, трубки, провода... Скоро его не станет. И тогда все это дерьмо обрушится на мои плечи.

Внизу меня ждет идеальный завтрак — свежавыжатый сок, омлет из органических яиц, авокадо, отменный стейк. Персональный повар старается вовсю.

И тренировки.

Каждый день — два часа в спортзале под руководством садиста Кайо.

Он известен своим нестандартным и жестоким подходом. Имеет за спиной впечатляющий опыт выживания в самых опасных фавелах Бразилии. Маттеус искал для меня лучшего тренера, и он его нашел. Или проклял меня этим знакомством.

Кардио, силовые, рукопашный бой. Я пашу, как проклятый.

Тело меняется. Становится мощнее, сильнее. Мускулы рельефнее, движения увереннее. Никогда бы не подумал, что буду так заморачиваться с питанием и тренировками. В России я плевал на все это. Пять лет назад виски, сигареты, случайный секс — были моим основным рационом.

Но теперь всё иначе.

Поднимаюсь вверх. К Маттеусу. Сегодня его лицо выглядит еще бледнее, чем неделю назад. Дыхание — хриплое, прерывистое.

Подхожу к кровати. Сажусь рядом и надеваю ему на ухо гаджет-переводчик.

— Маттеус, — говорю, стараясь, чтобы голос звучал уверенно. — Мне нужно поговорить с тобой о Констанции. Я не доверяю ей, признаюсь честно.

Он с трудом поворачивает голову в мою сторону. Его глаза — мутные, потерянные.

— Я уверен, она что-то скрывает, — продолжаю. — У нее темное прошлое. И мне нужно знать, что это за прошлое.

Он шевелит губами, пытаясь что-то сказать. Но из его гор-

ла вырывается лишь хрип. Он снимает кислородную маску. Наклоняюсь ближе, пытаюсь расслышать.

— Не... могу... — шепчет он. — Не... должен...

— Почему? — спрашиваю я. — Почему ты не можешь мне сказать?!

Он закрывает глаза.

— Спроси... ее сам, — шепчет он. — Спроси...

Он не может говорить, но слабо сжимает мою руку. И я понимаю — он уже прощается.

Выхожу из комнаты. Направляюсь к себе.

Впрочем, я всегда могу попробовать иначе. Если она не скажет сама — я найду того, кто скажет за неё. Подозреваю, что она очень плохая девчонка. Даже хуже, чем я себе представлял.

Уже несколько месяцев Констанция держит меня на расстоянии.

Никакого секса. Холодность, презрение, высокомерный взгляд. Обиделась, наверное... Она смеет учить меня, как вести дела.

Раздражает своим поведением! Иногда едва ли могу сдержаться, чтобы не схватить ее за горло и не выкинуть в окно...

Отношения напряженные. Как и всегда с теми женщинами, которые меня привлекают.

Она не нужна мне... Может, послать ее к чертям?

Нельзя, она слишком давно в теме. А прошлое, которое она скрывает, становится все более интересным.

С другой стороны — я по самое горло увлекся делами. И, пока Маттеус жив, я впитываю инфу, как чертова губка. Мне не до постельных забав.

Захожу в свою комнату, открываю балкон — жар с улицы мигом проникает внутрь. Хочу слышать, что происходит там, за стенами, даже если приходится повременить с комфортом.

Выхожу на балкон, вдыхаю знойный воздух полной грудью и наслаждаюсь моментом, прикрыв глаза.

Кажется, в особняке Маттеуса, можно ненадолго забыть о том дерьме, в котором я погряз. Почувствовать себя свободным.

Но свобода — это иллюзия. Особенно в моем мире.

Телефонный звонок взрывает тишину, возвращая меня из мимолетного транса. Фернандо, черт бы его побрал. Его голос — как всегда, спокоен и профессионален. Но я чувствую неуверенность и тревогу:

— Сеньор Романов, — произносит он. Называет сеньором, значит что-то стряслось. — У нас проблема.

— Какая? — спрашиваю, ощущая, как внутри все неприятно сжимается.

— Круизный лайнер Маттеуса... Он затонул, — говорит Фернандо. — В Карибском море. Недалеко от берега.

— Что значит затонул? — стараюсь сохранять спокойствие.

— Именно это и значит, — отвечает Фернандо. — Ушел

на дно. Полностью.

Я молчу. Считаю потери, людей. Последствия в конце концов.

— Что с людьми? — спрашиваю я.

— Спасены, — отвечает он. — Отдыхающие — все в порядке. Экипаж тоже. Но... Там был груз. Вы понимаете, о чем я.

Понимаю. Черт возьми, понимаю. Груз, который нельзя показывать посторонним. Груз, который может потопить не только этот ебанный лайнер, но и всю нашу империю.

— Это же не несчастный случай? — спрашиваю, догадываясь, что так просто лайнеры не тонут.

— Нет, — отвечает Фернандо. — Это было подстроено. Взрыв. Небольшой, но достаточный, чтобы вывести корабль из строя и отправить его на дно.

— Кто это сделал? — спрашиваю я.

— Мы выясняем, — отвечает Фернандо. — Но есть подозрения. Рафаэл Алмейда. Его люди были замечены в этом районе.

— Черт с ним, — говорю я. — Сейчас главное — груз. Нужно его достать. И замести следы.

— Это будет непросто, — говорит Фернандо. — Место крушения находится в зоне активного судоходства. Там много любопытных глаз.

— Мне плевать, сколько это стоит. Сделай так, чтобы этого никогда не было, — отвечаю я. — Найди лучших дайве-

ров. Без лишних вопросов. Отгони зевак подальше от места крушения. Ясно?

— Дайверы уже в пути, — говорит Фернандо.

— Быстро, — хмыкаю.

Он на секунду замолкает.

— Сеньорита Констанция... уже распорядилась.

Недооцелнил ее. Снова.

— Свяжись с нашими людьми в прессе. Везде: радио, телевидение — все! Нужна правдоподобная причина крушения. Не вина команды. И еще одно, — говорю я. — Жду тебя, Констанцию и Жорже. Через пятнадцать минут.

— Как скажете, — говорит Фернандо.

Завершаю звонок, продолжая пялиться на телефон в руке.

Ярость клокочет внутри. Алмейда. Он сильно пожалеет об этом.

Но сейчас не время для мести. Нужно думать. Действовать. Спасать то, что осталось.

Отхожу от балкона. Наливаю себе виски. Пью залпом. Крепкий алкоголь обжигает горло, немного успокаивая нервы.

Через десять минут входят Катя, Фернандо и Жорже. Катя смотрит на меня с присущим высокомерием, раздражая еще сильнее!

— Ты такая спокойная? У нас пиздец случился! — смотрю на нее и перевожу взгляд на Жорже: — Чем занималась служба охраны лайнера, что его так легко потопили?

— Все было хорошо спланировано. Почти бесшумный хлопок. Бах! Устройство могли пронести люди Алмейды, которые вполне сошли за пассажиров, — отвечает Жорже, глава службы безопасности. — Такое не отследить. На борту зарегистрировано около трех тысяч пассажиров, повезло, что не сезон...

— Там груз на сотни миллионов! — сверлю Катю взглядом. — Пусть аналитики подсчитают убытки к вечеру. Хочу знать, какому именно покупателю мы не доставили груз.

— Паоло Кельо и Филиппа Делавейро. Они наши постоянные покупатели. Заказывают большие партии... — отвечает Фернандо и делает заметку в своем блокноте. — Три группы дайверов... С прессой договорился. В обед включайте новости. Лайнер затонул по причине внезапно возникшего на его пути судна.

— Люди поверят? — не скрываю скептицизма.

— Все будет на высшем уровне. На фоне его выпуска остальная информация — лишь домыслы, сеньор Романов. Если полиция не найдет доказательства, то нам повезет...

— Катя, у нас же есть свои люди в полиции?

— Люди есть везде, расценки на услуги у всех разные. Это то, что их отличает друг от друга, — она неохотно переводит на меня свой равнодушный взгляд, будто ей по херу все происходящее.

— Займись этим. Заплати. Но задержи полицию, насколько получится, пока работают дайверы. Займись лично.

— Уже занимаюсь, — она отводит взгляд, словно я говорю что-то слишком очевидное.

— Жорже, свяжись с Алмейдой. Хочу лично с ним пообщаться.

— Это опасно, ему выгоднее убить вас на месте, сеньор Романов, — Жорже безумно таращится на меня.

— Я тебя не спрашивал. Просто организуй встречу в людном месте. Это будет аэропорт в Рио. Какое-нибудь кафе. На нашей территории. Если он пытается подвинуть Маттеуса, то не испугается. Заодно и проверим.

— Это еще не все проблемы, — тихо сообщает Констанция.

— Конечно, — я взмахиваю руками, — я все думаю, чего же не хватает. Вишенки на торте!

Констанция не смотрит на меня. Нервничает.

— У лайнера нет страховки.

— Что?!

— Истекла неделю назад. Маттеус приказал все равно пустить его с грузом. Покупатели ждут...

— И чем нам это грозит?

— Судебными разбирательствами со страховой компанией. Если пассажиры подадут в суд, а они это сделают. Это лишь добавит масла в огонь, — влезает с объяснениями Фернандо. — Страховками обычно занимается Констанция...

Я подхожу к Кате, и мой взгляд уже несет в себе то адское пламя, которое способно превратить ее в пепел.

Заставляю смотреть на меня. Она не отводит взгляд. Ни на секунду. В глазах этой снежной королевы — бушующий огонь из страха перед концом света и предвкушением полного пиздеца.

— Ты тут на отдыхе?! Почему не сообщила про лайнер без страховки?! И какого хера Маттеус принимает решения?

— Я осознавала риски, но не ожидала, что все так произойдет... Маттеус...

Улавливаю легкую дрожь в ее голосе, но перебиваю:

— Ты его, блядь, видела? Он свой причиндал едва держит, чтобы помочиться!

Закрываю глаза ладонями, пытаюсь переварить весь этот информационный хаос.

— Сегодня же проверь все документы — страховки и прочую херню, которая может внезапно всплыть. Жду инфу срочно.

Она собирается уходить. Явно расстроенная, хоть и не показывает. Зато пухлые губы внезапно вздрагивают.

Не все эмоции ты можешь контролировать.

— Я не закончил, — подхожу к ней ближе. — Хочу слышать твои мысли. Что ты думаешь обо всем этом?

Она сглатывает и смотрит мне в глаза по своей инициативе наконец.

Катя ведет себя не как обычно. Вот теперь я взволнован... немного.

— Рафаэл Алмейда расширяет границы. Карибы — тер-

ритория Маттеуса. Это их договоренность несколько десятков лет. Алмейда подставляет босса, чтобы придать дело огласке. Если покупатели отвернутся от нас, то некому будет продавать товар. Он получит все без боя. Подозреваю, что это не единичный случай. Надо готовиться.

— Констанция, общайся с юристами. Делай, мать твою, все, чтобы ни один из пассажиров не подал в суд. Пусть прес-са твердит везде и всюду, что Маттеус Перрейра готов заплатить пассажирам за причиненные неудобства.

— Мы потеряем миллионы! На лайнере было больше трех тысяч туристов,— возражает она.

Злюсь. Опять она мне перечит.

— Каждый из пассажиров получит свое. Свяжись с покупателями, которых мы кинули с грузом, Катя. Скажи, что бонусом при следующей закупке будет ахуенная скидка. Пусть берут товар хоть даром, но не отказываются от него.

— Уже занимаюсь, — Катя отвечает недовольно, слегка щурится, ставит мой авторитет под сомнение.

Я киваю.

Но что-то в её голосе...

Не спешка или стресс.

— Свободны.

Алмейда сделал ход.

Теперь моя очередь.

##Констанция##

Когда Фернандо принес эту новость про затонувший лай-

нер, у меня на мгновение перехватило дыхание. Нет, не так. Как будто кто-то выстрелил в упор, и пуля пробила не только легкие, но и все мои тщательно выстроенные планы.

Вы, конечно, сейчас подумали: «Ах, Констанция, бедняжка! Потеряла деньги, как же ей тяжело!»

Лайнер — это не груз. Это доверие. И оно пошло ко дну.

Потряхивает, когда вспоминаю чистейшую, незамутненную ярость на лице Мирона.

И вот тогда, впервые за все время нашего знакомства, мне стало по-настоящему не по себе. Все знают, что если Констанция берется за дело, то все будет выполнено идеально. О чем я только думала...

Мирон ходил по комнате, как разъяренный зверь в клетке. Жорже и Фернандо стояли, потупив взгляд, принимали гнев босса на себя, но и я не осталась в стороне. Я старалась держать лицо, но эмоции рвали меня на части.

Теперь придется разбираться с делами. И провести ночь в компании Фернандо, финансистов и кучи бумаг вместо того, чтобы позволить себе приятную слабость...

Глава 5. Рафаэл Алмейда.

Удары палок сливаются в оглушительный треск.

Пот заливает глаза, щиплет. Кайо — гребаный садист. Ему нравится причинять боль. Нравится видеть, как я мучаюсь. И, сука, он в этом хорош.

— Сосредоточься, Мирон! — зло рычит Кайо мне в ухо через гаджет, обрушивая на меня град ударов. — Ты двигаешься, как сонная муха. Где твоя концентрация?

Концентрация ушла неделю назад на дно Карибского моря вместе с этим чертовым лайнером. Мысли о грузе, об Алмейде, о Кате... Они роятся в моей голове, не давая покоя.

Блок. Удар. Уклонение. Снова блок. Но я слишком медленный. Слишком вялый.

Бесит! Больно огребаю по правому боку. Морщусь от внезапного удара.

Не мешкая, палка Кайо врезается в плечо, вызывая острую, пронизывающую боль. Я вздрагиваю. Теряю равновесие. Кайо мгновенно сбивает меня на пол и оказывается сверху. Давит на горло палкой. Хриплю от нехватки кислорода. Но он не торопится убирать палку, прижимая меня ещё сильнее.

Проиграл.

— Снова пропустил! — кричит Кайо. — Ты должен быть быстрее. Внимательнее! Иначе тебя убьют.

Убьют. Как будто я этого не знаю. Как будто мне нужно, чтобы мне напоминали об этом каждую минуту.

Он отходит также быстро, как оказался рядом.

Психую. Ярость захлестывает, словно волна.

— Да пошел ты на хуй! — ору, швыряя палку на пол. — Я не могу больше этого выносить!

Кайо смотрит на меня. В его глазах — ни капли сочувствия. Только презрение. Это он еще не понял, куда я его послал.

— Ты слабак, — говорит он. — Трус! Ты боишься того, что ждет тебя впереди. Ты подавал большие надежды, а теперь я просто трачу на тебя время, сопляк!

Эти слова задевают меня за живое.

Он прав.

Я действительно боюсь, потерять контроль. Боюсь оказаться беспомощным. Но больше всего я боюсь, что не оправдаю надежд Маттеуса.

Кайо подходит ко мне. Останавливается в нескольких шагах. Его лицо — выражает презрение, будто я последний неудачник на этой земле.

— Ты думаешь, что гнев поможет тебе? — спрашивает он. — Или ярость сделает тебя сильнее? Ты ошибаешься. Гнев — это слабость. Ярость — потеря контроля.

Я молчу. Смотрю на него. И понимаю, что он говорит правду. Но я слишком слеп, чтобы это уяснить.

— Ты должен научиться контролировать свои эмоции, —

говорит Кайо. — И использовать свой гнев. Превращать его в силу. В идеальное оружие.

Кайо падает рядом со мной и смотрит в одну точку, отпивая воду из бутылки.

— Карло Мартинес медленно убивал мою тетку и всю ее семью, пока я наблюдал за этим из кустов. У нее не было ни сентаво, чтобы заплатить ему. Она кричала, пока не перестала. А потом стало тихо... И тогда я понял одну простую вещь: мои эмоции и мои чувства сейчас не имеют никакого значения. Я всего лишь пацан, которого похоронят рядом с ними. Пусть пулю мне в башку и пойдут пить кашаса, обнимаясь с доступными девками.

Он потирает шрам на груди, замирая на мгновение.

— Я отомстил этому ублюдку спустя двадцать лет, — Кайо тяжело смотрит на меня. — И тогда я был готов. Я был спокоен. Спокойно перерезал глотки его охране. Спокойно выпустил обойму ему в грудь. И... также спокойно поджег его дом. Вот это то самое спокойствие, которое ты должен обрести.

Кайо поднимает с пола мою палку. Протягивает.

— Возьми, — говорит он. — И попробуй снова. Но на этот раз — сосредоточься. Забудь обо всем, кроме этого момента. Не существует страха, усталости, гнева. Просто будь здесь. Сейчас.

Я смотрю на палку. На Кайо. И вижу в его глазах... уважение. Или, скорее, надежду.

Беру палку. Вдыхаю глубоко. Выдыхаю. Пытаюсь успокоиться. Мы уже больше трех часов здесь торчим. Возможно, я просто устал... Но я не слабак.

— Как у вас, русских, говорят? В гробу отдохнешь, — смеется Кайо, будто только что прочитал мои мысли. И этот засранец чертовски прав.

Закрываю глаза.

Алмейда. Ни разу не встречался с ним, но представляю себе его лицо, его усмешку и наглость.

Открываю глаза. В них — больше нет страха или гнева. Только решимость.

Я нападаю.

Удары более четкие, точные. Сильнее сжимаю палку в руках. Двигаюсь быстрее, ловчее. Чувствую ритм. Чувствую свое тело.

Кайо отбивает мои атаки. Но теперь он уже не доминирует. Теперь Кайо сам вынужден защищаться.

Тренировка продолжается. Час. Полтора. Мы сражаемся до изнеможения. До тех пор, пока не падаем на пол от усталости.

Лежу на спине, тяжело дыша. Кайо сидит рядом, смотрит на меня.

— Уже лучше, — говорит он. — Но еще недостаточно. Надо больше стараться, несмотря ни на что. Иначе ты обязательно сдохнешь, Мирон Романов.

— Спасибо, Кайо, — смеюсь я. — За мотивацию.

Он улыбается в ответ, поправляя переводчик в ухе.

— Это моя работа, — говорит он. — Сделать из тебя машину для убийства.

— Ты почти преуспел, — отмахиваюсь в ответ.

Кайо встает. Протягивает мне руку.

— Вставай, — говорит он, ухмыляясь. — У нас еще много работы. Но уже завтра. И я понял, куда ты меня послал...

Я хватаюсь за его руку. Поднимаюсь.

За спиной открывается дверь. Раздается уверенный стук каблучков о паркет. Констанция.

Неохотно оборачиваюсь. Знаю, что нельзя смотреть...

— Мирон, есть важная информация. Кайо, — она кивает в знак приветствия.

Кайо улыбается.

Она сногшибательна.

Сжимаю губы, наслаждаясь ее длинным льняным платьем, которое немного облегает фигуру и придает ей еще больше сексапильности. Желание скручивает живот, и я представляю, как укладываю ее прямо здесь, на эти маты.

Пытаюсь сосредоточиться.

— Уже иду, — грубо бросаю в ответ и вытираю лицо полотенцем.

Катя разворачивается по направлению к двери, как вдруг Кайо делает резкий выпад и пытается попасть по Кате палкой. Та мгновенно реагирует, пригибаясь и зажимает палку подмышкой.

Черт, она даже здесь не уступает.

Кайо смеется, не скрывая восхищения.

Катя все еще удерживает палку и отпускает самую милейшую улыбочку, которая единственная правдивая в ее арсенале. И я убит...

— Констанция всегда готова, — одобрительно кивает Кайо.

Показушница. Даю зуб, что она предвидела эту ситуацию. Но в ее мастерстве я все же не сомневаюсь.

Хлопаю по плечу Кайо и иду вслед за Катей.

Мы поднимаемся в мою комнату. Замечаю, что она не знает с чего начать разговор.

— Да говори, как есть, твои душевные терзания меня не волнуют.

— Рафаэл согласился на разговор.

— Это было так тяжело сказать? — подхожу к мини-бару и достаю бутылку воды. — По-моему, отличная новость.

— Ты не понимаешь! Он выстлал себе дорогу к небу трупами врагов!

— Это весело. Разве нет?

— Только, если ты хочешь завтра умереть! — она не скрывает гнев.

— Ты же составишь мне компанию...

Улыбаюсь, только чтобы ее выбесить и залпом выпиваю бутылку холодной воды. На самом деле перспективы умереть в Рио меня мало прельщают.

Катя действительно сама не своя. Лицо — серьезное, глаза — как у загнанной лани.

— Отмени встречу.

— Чёрта с два. Я ждал этого неделю.

После длительной тренировки мышцы уже ноют от напряжения, и я разминаю шею и плечи.

— Все будет в порядке, — говорю ей, хотя сам не знаю, что именно будет в порядке.

— Не будет, — качает она головой. — Он... Он не убивает сразу. Сначала показывает, что ты уже мертв.

Сам от себя не ожидая, притягиваю ее к себе. Обнимаю, ощущая легкую дрожь.

И это впервые не от возбуждения и моих прикосновений.

Она взволнована. И все еще колеблется, подпускать меня или нет...

— Он опаснее, чем ты? Не верю... — шепчу я, поглаживая ее волосы. — Пока ты со мной, никто тебе не навредит.

Это, разумеется, ложь. Но сейчас эта ложь нужна ей, как воздух. И мне, кажется, тоже.

— Не ври мне, — говорит она, прижимаясь ко мне. — Ты же знаешь, что это не так.

Знаю.

— Я не могу остаться, это не поможет. Не та ситуация, чтобы проигнорировать, — отвечаю уверенно, иначе она не отстанет.

Катя поднимает на меня глаза. В них — тревога.

— Отмени встречу, Мирон.

— Проблемы надо решать, а не заматывать их под ковер. Отец всегда учил этому. Я, пожалуй, с ним солидарен.

Подхватываю ее на руки и опускаю на кровать. Она смотрит на меня, не моргая. Глаза расширяются, зрачки чернеют.

Я медленно развязываю пояс невесомого платья, не прерывая зрительный контакт. Ее естественность и незащищенность меня возбуждает. Констанции к лицу эта робость и неуверенность. Такое я наблюдаю первый раз... И это заводит.

Катя не сопротивляется. Только смотрит, ждет, приоткрыв рот.

Платье слетает с нее, обнажая грудь и соблазнительные твердые соски, которые срочно требуют моего внимания.

Она замирает. Ее бедра — идеальные, живот — плоский, плечи — крепкие...

Наклоняюсь и целую ее. Нежно.

Сначала — в губы. В шею. Должно быть ей непривычна моя нежность. Мне и самому это странно.

Она обхватывает мои плечи руками, прижимается. Ее тело — горячее, а дыхание — учащенное.

— Мирон... — шепчет она.

Целую не спеша, наслаждаясь долгожданным моментом. Обвожу языком ее губы перед тем, как впиться в них. Ее тело отвечает на мои ласки нарастающим напряжением.

Спускаюсь ниже. Целую ее грудь. Сначала один сосок, за-

тем другой. Она тихо стонет, изгибаясь.

— Да... Ниже.

Я повинуюсь. Спускаясь все ниже и ниже. Облизываю живот, присасываюсь к нежной коже на внутренней стороне бедра.

Констанция закрывает глаза.

Опускаюсь между ее ног.

Катя хватает меня за волосы и притягивает мою голову ближе. Мне нравится ее нетерпение. Она такая влажная. Уже готова.

Первое прикосновение языка заставляет ее вздрогнуть. Я медленно, едва касаясь, рисую круги вокруг самого чувствительного места, наслаждаясь тихими стонами. Ее пальцы в моих волосах то сжимаются, то разжимаются — она уже на грани, но я не дам ей сорваться так быстро.

— Мирон... — ее голос звучит хрипло, — перестань мучить...

Но я только усмехаюсь и продолжаю свою игру, чередуя легкие касания кончиком языка с более настойчивыми движениями.

Ее бедра дрожат, когда я наконец позволяю себе вкусить ее полностью — медленно, смакуя каждый момент.

Она вскрикивает и дергается. Развожу ее бедра сильнее, чтобы не мешала. Я сильно увлекся процессом и максимально довожу ее до предела.

— Быстрее...

Подчиняюсь. Ласкаю ее, присасываюсь к клитору, наращивая темп. Зажимаю ладонями ее бедра. Жаждающее тело дрожит в моих руках.

Катя начинает реагировать и отдаваться наслаждению, но в последний момент отстраняюсь, оставляя поцелуй на внутренней стороне бедра. Она стонет от разочарования, но я уже знаю — самое сладкое всегда приходит к тем, кто умеет ждать...

— Терпение, дорогая, — смотрю на нее снизу вверх, прежде чем вернуться к своему занятию с новым рвением. На этот раз я не сдерживаюсь. Язык работает быстрее, настойчивее. Пальцы находят вход в другое чувствительное место, доводя ее до той грани, откуда нет пути назад.

Когда она наконец срывается, я чувствую каждую волну ее удовольствия, каждую дрожь, пробегающую по идеальному телу. И знаю — это только начало.

Она кончает громко и длительно. Да, мы долго к этому шли. Прекрасно осознаю, что мог взять ее всегда, когда хотел, но почему-то этого не делал, давая ей свободу.

Приподнимаюсь, оценивая взглядом эту ненасытную чертовку.

Ее глаза — закрыты, а ресницы слегка вздрагивают. Лицо такое расслабленное и умиротворенное, что я бы любовался ею вечность. Жаль, что обычно она — редкая сука. Но ничего, я люблю все редкое и исключительное...

С нетерпением распахиваю свободные брюки.

Вхожу в нее. Медленно, нежно, чувствуя каждый ее вздох. Потом — быстрее.

Катя отвечает на мои движения. Обхватывает мои бедра ногами. Сжимает, притягивая ближе.

Целую ее, кусаю.

Она неистово царапает мою спину в ответ. Рывком зажимаю запястья и поднимаю над головой.

Мы двигаемся вместе. В такт. В одном ритме.

Каждый толчок — приближение к эйфории на двоих. Сердце долбит ребра так сильно, что сейчас переломает их на хрен. В глазах — ебучие звезды и черные точки.

Ахуенный темп. Как я люблю...

— Катя... — выдыхаю я и кончаю ей на живот, наблюдая, как заливаю эту богиню своей жидкостью.

Мое тело получило столь необходимое долгожданное расслабление. Чистый кайф.

Катя вскрикнула. Ее тело выгнулось, напряглось. Я машинально накрыл ладонью ее губы, чтобы намеренно подавить стон, видеть ее удовлетворенный туманный взгляд...

Я откидываюсь на кровать, восстанавливая дыхание, она довольно кладет голову мне на плечо. Как-то неловко, будто боится, что я ее отвергну, но не в этот раз.

Констанция прижимается ко мне.

— Спасибо, — шепчет тихо. — Я этого хотела.

Не за что. Потому что это было необходимо. Не потому, что мне хотелось доставить ей удовольствие. А потому, что

я сам перегорел.

Наслаждаюсь запахом ее волос. Шепчу успокаивающие слова ей на ухо.

Через некоторое время она засыпает на моем плече. Наверное, сегодня она действительно переживала за меня. Это вызывает странное чувство...

Смотрю на нее. На спокойное лицо. На прекрасное тело. И чувствую... Ничего. Пустоту.

Это всегда так.

После секса. После близости. И после любви...

Всегда остается пустота.

Но завтра — встреча с Рафаэлем.

И мне нужно быть готовым.

Иду на кухню — подкрепиться сейчас именно то, что нужно.

— Мирон, я с хорошими новостями, — прерывает мою чудесную трапезу Фернандо.

— Говори.

— Бразильцы прониклись широким жестом Маттеуса и рады получить компенсацию. Виновником считают заблудшее рыбацкое судно. Наши люди в полиции позаботились о поиске козлов отпущения, как говорят у вас на Родине. Толпа беснуется и весь гнев направлен на них. Кроме того, покупатели довольны и уже сделали новый заказ... В этот раз нам повезло.

— Что с грузом?

— Утерян безвозвратно, дайверы устранили все улики.
Я внимательно на него смотрю.

— Это не везение, Фернандо, это своевременно принятые меры.

В эффективность которых я сам не до конца верил еще неделю назад...

— Жорже лично отправится с тобой на встречу с Рафаэлем.

— Да, также мне нужно прикрытие на случай отступления. Дохнуть там я не собираюсь. Несколько снайперов должны прикрывать мою задницу.

Остаток дня я терзаюсь каким-то нехорошим предчувствием.

Ерунда.

На утро одеваю свободную льняную рубашку и джинсы. Отчего-то мысли разлетаются в разные стороны, хочется курить. Когда я курю — я могу четко сосредоточиться на задаче. Сейчас я рассеян.

Сзади медленно подходит Катя и не торопится говорить, просто разглядывает, как я собираюсь. Достая из сейфа оружие. Ее взгляд становится совсем серьезным.

— Что, детка, уважаешь большие пушки? — пытаюсь шутить.

— Лишним не будет, — одобряет она. — Я тоже поеду.

— Черта с два. Тут останешься.

— Я не бесполезная кукла, которую ты можешь трахать.

— И я обязательно сделаю это, когда вернусь...

— Ты же знаешь, кто я. Не отвергай мою помощь. Это общее дело.

Подхожу к ней и легко хватаю за волосы затылке. Она вздрагивает, но взгляд остается прежним: пронзительным и не отпускающим.

Она сумасшедшая, готова идти в самое пекло. Мне нравится эта прыть, но не в этот раз. Сам справлюсь. Открывает рот, но не успевает произнести и звук.

— Я сказал нет, — грубо пресекаю ее попытки, прижал большим пальцем губы.

Пока едем в машине, еще раз обдумываю пути отхода. Вроде бы, все предусмотрел, но всегда могут возникнуть непредвиденные обстоятельства, которые я так ненавижу.

Спустя полчаса доезжаем до аэропорта Рио. Встреча запланирована в небольшом кафе. Вполне себелюдно. Меня это устраивает.

Мы с Фернандо и Жорже выходим из машины и почти одновременно с нами распаивается дверь внедорожника поблизости — выходят три человека. Точнее, один щегол и два бугая, подозреваю, что это охрана.

Смотрю на внезапно взволнованного Фернандо и не понимаю, в чем дело.

— Фернандо, это и есть ваш Алмейда? — вне терпения спрашиваю, поправляя гаджет в ухе.

— Его... его здесь нет.

##Констанция##

Он уехал. Встреча с Алмейдой. Мой внутренний критик сейчас захлебывается в презрительном смехе. Ведь у меня, кажется, развивается нездоровая привязанность.

Меня бесит, что он не взял меня с собой. Не потому, что я жажду крови. Хотя, кто я такая, чтобы отрицать свои наклонности? А потому, что я вижу ситуацию четче, чем он. Алмейда — гидра, задушить которую нужно быстро и наверняка. Я бы это сделала. Безупречно.

Но нет, он, видите ли, решил поиграть в благородного рыцаря, защищающего прекрасную даму. Прекрасная дама, между прочим, способна выпотрошить десяток головорезов, не вспотев.

И дело даже не в этом. Больше всего меня злит... это. Эта глупая, навязчивая потребность быть рядом с ним. Это не любовь, нет. Я не верю в эту чушь. Но что-то... изменилось. Он стал мне... важен?

От одной этой мысли у меня сводит скулы.

Я никогда ни в ком не нуждалась. А теперь... теперь я ловлю себя на мысли, что жду и мгновенно отвечаю на его звонки, что переживаю за него, что... что, черт возьми, хочу его видеть.

Эта слабость отвратительна.

Прохаживаюсь по кабинету. Нужно чем-то себя занять. Нужно отвлечься.

Хотя, черт возьми, не могу не отметить, что все его дей-

ствия после потопления лайнера... впечатляют. Кто бы мог подумать, что этот импульсивный мачо способен на такую тонкую игру?

Бразильцы, вместо того чтобы требовать миллиарды в суде, получили компенсацию и рассыпаются в благодарностях! Клиенты сделали новые заказы. Империя потеряла много денег, но сохранила главное — уважение. А в нашем бизнесе это бесценно.

Смотрю на карту, провожу пальцем по границам Алмейды, чтобы предугадать следующий удар. Он не успокоится.

Сжимаю кулаки. Я пережила ад. Прошла через огонь и воду. Я не позволю какому-то мужчине туманить мой мозг. Это обычно делаю с ними я. Только проблема в том, что Мирон — не какой-то там мужчина...

Улыбаюсь. Холодно и расчетливо. Как и подобает Снежной королеве.

Глава 6. Большие проблемы.

— Что это, блядь, значит? — впиваюсь настороженным взглядом в Фернандо.

— Это Густаво Оливейра, — шепчет Фернандо. — Правая рука и брат жены Рафаэля.

— Что это за чертов сериал начинается...

Мы медленно направляемся в сторону кафе, осторожно обходим прохожих, которые торопятся в аэропорт.

— Где Рафаэл? — зло интересуюсь я, когда мы подходим друг к другу достаточно близко.

Фернандо переводит ему мои слова на португальский.

— Добрый день, Фернандо. Твоего напарника не учили манерам? У людей принято приветствовать друг друга, — раздается перевод из гаджета.

Я злюсь, меня не устраивает, что этот черепашка-ниндзя, Рафаэл, прислал вместо себя это убожество! Он не считает меня равным себе. А этого я не могу простить. Но сейчас приходится смириться и ждать.

— Это сеньор Мирон Романов, он из России, — объясняет ему Фернандо.

Этот Густаво одет как в самых избитых мыльных операх — светлый костюм с красной розой в кармане пиджака, черные очки и кучерявые волосы, примятые шляпой. Впечатление, что он на свидание собрался, а не на деловую встречу.

— Тогда все понятно. Русский... Передай ему, что я благодарен, что мой нос еще не сломан, — смеется он и два телохранителя подхватывают эту шутку.

Фернандо игнорирует, потому что я итак все услышал. Ха-ха, очень смешная шутка, обворожительно улыбаюсь.

— Может, присядем и наконец пообщаемся, Густаво?

— Это отличное предложение, я голоден, — отвечает Густаво.

Жорже молчаливо идет за нами, не сводя взгляд с амбалов поблизости.

Мы присаживаемся за стол, Густаво сразу же останавливает официанта и что-то заказывает. Его охрана и Жорже стоят рядом, Фернандо очень нервничает. Интеллигент, который работает на самого опасного наркобарона Бразилии. Иронично.

— Я пришел сюда ради одного, — я начинаю диалог, — ради компенсации за потопленный лайнер и груз, который находился на нем.

Фернандо кладет лист бумаги на стол с перечнем понесенных нами убытков и переводит ему мои слова.

Густаво небрежно берет лист и журится, приподнимая черные очки, будто взглянул на солнце. Он внимательно изучает бумагу.

Обстановка накаляется и внезапно раздается смех. Пронзительный и звонкий — Густаво смеется мне в лицо. Мне в лицо! Жалкая тварь.

— Это серьезный разговор, по-твоему, Фернандо?!

Официант приносит заказ — какой-то салат, минеральную воду и приборы. Густаво мигом принимается за еду.

Эта мразь даже не общается со мной, наивно полагая, что я мелкая рыбешка или хрен пойми кто, вообще! Это бесит еще больше. Спокойно. Я его размажу, обязательно размажу, не все сразу.

— Сеньор Романов будет общаться именно так, как полагается преемнику империи Маттеуса Перрейра, — отвечает Фернандо.

Густаво округляет глаза и снимает очки. Наконец он разглядывает меня и хмурится.

— Откуда взялся этот самозванец? Впервые слышу! Маттеус передает все ему? С таким же успехом он мог слить свой бизнес в унитаз!

Он даже немного огорчен, подлец. Сукин сын...

Жорже переминается с ноги на ногу, я чувствую его напряжение. Лишь бы он не наломал дров, что уж про себя говорить.

— А теперь послушайте мое предложение, сеньор Романов, — Густаво сбрасывает лист со стола и скребет меня надменным взглядом. — Я передам вам требования сеньора Рафаэла Алмейды. Вы отдадите нам Карибы, а также своих крупных покупателей. Их список я предоставлю позже Фернандо. Сеньор Алмейда также планирует укрепить влияние в России. Доход от этой страны будет не лишний, а возможно

и возглавит рейтинг. Вы, сеньор Романов, распространяете товар через сети казино по всей стране. Нам это нравится. Казино в Бразилии, к сожалению, запрещены законом, а сеньор Алмейда чтит закон...

Он мерзко улыбается, будто нагнул меня раком и вот-вот отымеет. Только я другой ориентации, этого он не учел.

Мне не побороть мой гнев, он — часть меня, и я должен смириться. Краем взгляда наблюдаю, как смотрит в ожидании моего решения Фернандо. Примкнуть к врагу или оторвать ему голову? Дилемма.

Густаво все еще веселится, отпуская в мою сторону шуточки. Его охрана расслабилась, считая, что они уже победили.

— Спорю тебе, пугало в соломенной шляпе, неизвестно, что в моей стране делают с гонцами, принесшими плохую весть? — спрашиваю я ледяным тоном, сбивающим этот бразильский зной.

Густаво с интересом смотрит на меня и крутит вилку между пальцами, раздумывая, что же я сейчас сказал, ведь Фернандо уже буквально дрожит от напряжения и не переводит ему мои слова.

Нож в моем кулаке мгновенно вонзается в шею Густаво по самую рукоять.

Жорже разрывает пространство выстрелами.

Люди всполошились. Вокруг беготня и суета.

Тихо не вышло.

Поднимаюсь. Густаво корчится на полу, охрана повержена.

Жорже что-то кричит по телефону.

— Убивают, — наступаю ботинком ему на горло, прекращая муки. Искренне этим наслаждаюсь. Наверное, даже улыбаюсь от удовольствия...

Жорже хватает Фернандо, который, похоже, застыл в ступоре.

Рядом с нами тормозит бронированная машина, и мы быстро скрываемся с места убийства.

Вернувшись в особняк Маттеуса, я первым делом иду в ванную. Умываюсь холодной водой, оттираю брызги крови с рук и скидываю рубашку.

Не позволяя мне ни минуты отдохнуть, в комнату вбегают Фернандо, Жорже и... Констанция, чтоб ее. Судя по ее лицу, мне хана.

— Что произошло?! Что там случилось? — настороженно кричит она, в глазах читаются просто все вариации на эту тему.

— Густаво был недостаточно вежлив со мной... — вытираюсь полотенцем и направляюсь в комнату.

— Мирон убил Густаво. Убил так просто, — произносит бледный Фернандо.

— Густаво? — замирает Катя, выпучив свои прекрасные, обычно холодные глаза. — Густаво?!

— Да, — отвечает Жорже и садится в кресло. — Это про-

блемы. Они уже начались.

— Да срать, — отвечаю я, опираясь спиной на стену.

— Что ты сказал?! — приближается Констанция. — Да ты хоть знаешь, что теперь будет? Это война, Мирон! Густаво — это семья! Семью трогать нельзя! Проклятье!

— Вот она разница менталитетов, — спокойно произносит Жорже, доставая сигару.

— Где жена и дети Маттеуса?

— Я не могу сказать тебе, Констанция. Маттеус запретил говорить на эту тему, — отвечает Жорже, распространяя запах ароматного крепкого табака в пространстве. — Не беспокойся, они не в Бразилии. И в ближайшее время сюда не вернутся.

— Надо задобрить его. Как-то, — шепчет Фернандо, — хотя, как это сделать?! Это убийство... это действительно война...

— Войну надо выигрывать, а не заниматься ерундой, — наконец отвечаю я, когда они перестают перебирать варианты. — На каждом лайнере с грузом — куча вооруженной охраны, поставим ворота при входе. Усложним подонку задачу. Груз отправляем небольшими партиями, предупредите покупателей. И не в каждом лайнере. Я лично буду согласовывать отгрузки.

Катя садится на диван и дотрагивается изящными пальцами до лба.

— Жорже, надо все же припомнить Алмейде инцидент с

потопленным лайнером, — загадочно произношу я. Не специально, просто в моем мозге уже запущен механизм превращения плана в жизнь. — Я хочу, устроить... Инцидент на одной из плантаций сеньора Рафаэля Алмейда. Надо подключить наших друзей в полиции и репортеров. Будет весело... — говорю, не скрывая сарказма.

— Нет, нет, нет, Мирон! — подсказывает Катя. — Не смей.

— Замолчи! — гневно смотрю на нее. — Сейчас же, Жорже. Дай мне список его плантаций, о которых нам известно. Сожжем все на хрен и отправим туда полицию, репортеров, всех, чтобы создать шумиху покрупнее затопленного лайнера.

Я уже чувствую, как в венах бурлит адреналиново-тестостероновая смесь от предвкушения последствий этой идеи.

— Оу, у нас много какой информации накопилось, — улыбается Жорже и выходит из комнаты.

— Ты не понимаешь, Мирон, остановись! — продолжает Катя.

Бесцеремонно хватаю ее за шею. Пытаюсь прекратить эту ненужную сейчас панику, которую я от нее совсем не ожидал.

— Знаешь, как мы поступим? — продолжаю гладить ее шею большим пальцем. — Подкинем засранцу проблем. А, когда мы наконец встретимся, то поговорим серьезно.

Отталкиваю ее на кровать и люблюсь этой яростной, но

такой растерянной сейчас женщиной, которая выглядит настолько соблазнительно в своей панике и тревоге, что у меня в штанах встал.

— Фернандо, распорядись, чтобы наши участки хорошо охранялись, наймите еще людей, дайте больше оружия и распорядись о доплате за каждого убитого нарушителя, — я плотоядно улыбаюсь, не отрывая похотливый взгляд от тела Кати, скользящий по всем аппетитным участкам ее тела.

Она встает и направляется к двери вслед за Фернандо. Грубо придерживаю ее за плечо, снова натыкаясь на надменный взгляд.

— Отпусти, — произносит она спустя какое-то время, что прожигала меня взглядом.

— А то что?

— Ты не понимаешь, какое осиное гнездо разворошил, Мирон. Он захочет убить нас всех. И, учти, что за убитого члена семьи он заберет одного у тебя. Хотя, у тебя уже некого забирать, да? В этом сердце давно тлен, — она несильно ударяет меня в область сердца кулаком.

Отпускаю ее. Остаюсь один. Всего лишь слова. Но было больно.

Весь вечер мы с Жорже разбираемся, как воплотить в жизнь мой план.

— Уверен, что бить надо именно сейчас. Пока Алмейда занят похоронами и утешает свою женушку, — улыбаюсь я.

— Да, это хороший шанс дать ему под дых, — поддержи-

вает Жорже, указывая на карте места плантаций.

— Вот эта, — отвечаю спустя несколько минут изучения.

— Почему?

— Потому что эта плантация дает максимальный доход, она недалеко от границы с Колумбией, — продолжаю восхищаться своим планом я. — А из Колумбии товар едет прямоком в Мексику миллионами различных путей. Маттеус рассказывал.

— Это так, — задумчиво произносит Жорже, — не терпится надрать Алмейде зад.

Поздней ночью я выхожу на веранду, наслаждаясь чудесным запахом океана. Заодно пробегаюсь взглядом по постам охраны — все на месте.

Но этот покой — всего лишь иллюзия, хрупкая, как стекло. Достаточно одного толчка, чтобы все разлетелось вдребезги.

Алмейда попробует отомстить. Обязательно. Это лишь вопрос времени.

Он знает, что прямое столкновение со мной — самоубийство. Он пойдет другим путем. Более изощренным. Более жестоким. Продолжаю размышлять я.

Ударит по самому больному месту. Он заберет того, кто мне дорог...

Анжелика!

Вены пульсируют от предчувствия катастрофы.

Она в России. Далеко. Но, как я мог упустить ее из виду?!

В памяти мигом всплывает ее силуэт, улыбка, прекрасные голубые глаза.

Мы были вместе недолго. Но она успела запасть мне в душу. Она была той, кто видел во мне не монстра, а человека. Она была той, кто умела любить безгранично. Но я упорно заставлял ее верить в другое... Моя бывшая жена...

Вдруг Алмейда знает о ней?! И он обязательно этим воспользуется.

Паника захлестывает меня, словно цунами. Я не могу дышать. Не могу думать.

Я должен ее защитить. Но как? Она так далеко. И я даже не знаю, где она.

После нашего расставания она уехала из столицы. Хотела начать новую жизнь. Куда? Она не сказала. Я не спрашивал. Мне было плевать. Я сделал все, чтобы вычеркнуть эту белокурую девочку из своей жизни. Я отпустил ее.

А теперь я готов убить себя за это.

Куда ты уехала, Анжелика? Где тебя искать?

В груди бушует яростный барабанный бой, заглушающий все остальные звуки. Я чувствую, как пот струится по спине. Руки дрожат. Я немедленно хватаю телефон и ищу номер Сени, старого друга. Он заменяет меня в России, ведет дела от моего имени. Мы не общались почти две недели — это хороший знак, значит, все идет отлично, мой счет пополняется, и он меня не напрягает.

Нужно успокоиться. Нужно думать, а потом действовать.

Гудки, снова гудки, ну же...

— Мирон! Здорово! Как жизнь, брат? У меня все норм...

— Сеня, — прерываю его серьезным голосом, и он мгновенно замолкает, услышав мой тон, — надо найти Анжелику.

— Хрен ее знает, куда она свалила. Столько лет прошло, брат.

— Нет, ты не понял. Я не просто попиздеть о прошлом позвонил. Ее надо найти и срочно. Как найдешь — убедись, что с ней все в порядке. А затем расставь камеры в ее квартире.

— Что стряслось? Анжелики нет уже несколько лет в городе, где мне ее искать?

— Катюха, подруга ее. Они наверняка общаются, подключай Олега, всех! Меня не ебет, как ты будешь искать Анжи, найди ее!

— Хорошо.

— Как найдешь — у тебя начинается длительная командировка. Ни на шаг от нее не отходишь, наблюдаешь изда-лека.

— Я могу отправить человека, он справится.

— Ты меня не расслышал?!

— Все понял. Толян подменит меня в Москве.

Теперь все зависит от Сени. Я ему доверяю.

Надо надеяться, блядь, на лучшее.

Останусь здесь еще на несколько недель, сожгу плантацию — потом рвану домой.

##Констанция##

Он убил Густаво! Мирон, черт бы его побрал.

Внешне сохраняю спокойствие. Внутри бушует буря.

Руки выдают: они дрожат не от страха, а от ярости, что клокочет внутри меня, словно адское зелье, жаждущее выплеснуться наружу и осквернить все святое. Сейчас, как никогда, нужна холодная голова.

Он еще не понимает, что натворил. Этот самоуверенный идиот, возомнивший себя вершителем судеб, не видит последствий. Подставил нас всех.

Это теперь не просто война, это — Армагеддон. Рафаэл Алмейда не простит убийства брата Элены, своей обожаемой жены. Он будет мстить всем. Жестоко и безжалостно. И ад вот-вот разверзнется под ногами...

И все из-за нежелания Мирона контролировать свои эмоции. Из-за его неудержимой жажды крови.

Что он думал? Что Алмейда просто махнет рукой и забудет об этом инциденте? Он безрассуден.

А я... Я, как всегда, вляпалась в историю. Вместо того, чтобы заниматься нашими делами, я вынуждена расхлебывать дерьмо, свалившееся на голову!

Смотрю в зеркало. На меня смотрит незнакомая женщина. Уставшая. Раздраженная. Злая. Где та уверенная в себе, холодная и расчетливая? Где та Снежная королева, не знающая ни страха, ни жалости?

Она исчезла. Растворилась в этом хаосе. В бесконечных

решениях, которые приходится сотнями принимать в течение дня!

Последние несколько месяцев — сплошной кошмар. Постоянное напряжение, постоянные переживания, постоянная тревога. Я словно хожу по минному полю. И каждый раз боюсь, что взорвусь.

Это ломает меня. Разрушает. Лишает сил. Контроля больше нет.

И это самое страшное.

Ведь я привыкла быть сильной. Привыкла влиять на ситуацию. Маттеус всецело полагался на нас с Фернандо, а теперь...

Выхожу из комнаты, направляясь по коридору.

Внутри меня — пустота, боль и отчаяние.

Надо быть готовой ко всему. Самое плохое, что могло произойти — уже случилось.

Но сначала... сначала я придется разобраться с Мироном. Надо объяснить ему, что он натворил. Я должна заставить его понять, что он — не один. Что мы — команда. Что мы действуем все вместе.

И если он не поймет... Если он продолжит действовать в одиночку... Тогда я буду вынуждена принять меры. Даже если это означает, что-то очень нехорошее...

И если у меня ничего не получится... Тогда я сделаю то, что должна. Без колебаний. Без сожалений или эмоций.

Независимо от того, насколько это сложно. Или насколько

это больно.

В любом случае, мы зашли очень далеко.

Достаю телефон и набираю Жорже.

— Усиль охрану башни. Бродяги наблюдают?

— Да, Констанция. Бурже выдал им удвоенный аванс час назад. Они не подведут, как и обычно.

— Хорошо. Заправьте вертолет на случай экстренной эвакуации.

— Ты думаешь дойдет до подобного? — удивляется Жорже.

— Нельзя недооценивать Алмейду...

*Видео 18+ и информация про Хэллоуинский выпуск уже в моем телеграм-канале Eva_Tresor или в группе ВК Eva_Tresor
 Подписывайтесь, вся "запрещенка" будет размещена там.*

Глава 7. Моя маленькая месть.

Трек к главе: Dawn - Delta Force Включаем и наслаждаемся чтением.

На подготовку и проработку всех деталей плана у нас ушло три дня. Сегодня я возьму свое.

Ночь дышит влажным и удушливым жаром. В моих фантазиях — море огня. Горящая плантация Алмейды. Красиво, блядь. Пиздец как будет красиво.

Жорже, как всегда, рядом. Его рожа — сама решительность, глаза горят, как у хищника. Он оборачивается, чтобы убедиться, что все в порядке.

— Ну что, босс? Готов? — его голос, как рык дикого зверя.

— Всегда готов, — отвечаю, проверяя обойму в автомате. Автомат — как верная подруга. Никогда не подведет.

За нами — колонна внедорожников, забитых вооруженными до зубов людьми. Мои верные люди, которые готовы на все.

Мы едем по разбитой грунтовой дороге, петляющей среди бескрайних полей, поглощенных тьмой. Плантация Алмейды. Его гребанный райский уголок. Скоро он превратится в ад.

В голове — только одно. Уничтожить все, что принадлежит ему. Заставить его заплатить. За угрозы. За все.

Машина останавливается. Жорже отпирает дверь.

— Придерживаемся плана, — говорю я, окидывая всех взглядом. — Никаких пленных. Никаких свидетелей. Только огонь. И смерть.

Жорже раздает канистры с бензином. Люди расходятся, словно тени, растворяясь в ночи.

Стрелки часов приближаются к назначенному времени. Напряжение нарастает.

Мы разбредаемся по своим точкам, незаметно уничтожая охрану. Поджигать будем с разных точек, чтобы ничто не уцелело в этом этом месте.

Начинается все как по сценарию.

— Время пришло, — говорит Жорже, поглядывая на часы, и достает из кармана зажигалку. Чиркает колесиком.

Вспышка.

Первая канистра бензина летит в поле. Пламя жадно пожирает сухую траву, расползаясь в разных направлениях.

За ней — вторая. Третья. Десятая.

Вспыхивают огни.

Бензин. Огонь. Взрывы. И ад разверзается.

Небо окрашивается в багровый цвет, жар становится невыносимым.

Первые выстрелы. Крики. Паника.

Охрана Алмейды — дерьмо, а не охрана. Наемники — слабаки. Или просто я слишком хорош для них.

По полю, как стадо, несутся люди Алмейды. Горят. Кри-

чат.

Я — в центре событий. Контролирую все. Занял место на небольшой возвышенности, откуда открывается прекрасный вид на горящую плантацию. Запах гари — отличный знак, жадно вдыхаю его полной грудью.

Жорже — рядом. Не отходит ни на метр, как моя тень. С удовольствием наблюдаю, как в его радостных глазах отражается пожарище.

— Огонь по зданию!

Жорже переводит мою команду по радиии, и парни выполняют приказ незамедлительно. Результаты я наблюдаю в бинокль.

Постройки на плантациях Алмейды вспыхивают, как факелы в ночи.

Мои люди, как хорошо обученные псы, выполняют все по пунктам плана. Они нападают на охрану, как хищники. Никого не жалеют. Я утроил их заработок за сегодняшнюю ночь. Деньги — самый мощный мотиватор.

Приказываю установить пулеметы. Огонь становится более мощным, уничтожает все на своем пути.

Я вижу, как падает человек.

Близко стрелки Алмейды. Значит, охрана все-таки есть, просто... Задремала? Ха!

Быстро навожу свой автомат и стреляю в ответ. Точно в голову.

Еще один труп.

Ненавижу это дерьмо. Но это необходимо. Чтобы выжить, нужно быть безжалостным.

Я осматриваю поле боя. Все горит.

Люди Алмейды отступают. Их сопротивление сломлено.

Присоединяюсь к своим парням, но беспокоиться не о чем — Жорже держит оборону, и мы отступаем, потому что выполнили задачу.

Я высматриваю цели, выбираю. Очередь.

Труп падает.

Еще один.

Еще.

Адреналин зашкаливает. Я — в своей стихии.

Холодная ярость — мое топливо.

Жорже убивает как зверь. Этот мужик опасен, очень опасен.

— Босс, отходим! — кричит он.

Киваю.

Не все успевают услышать. Марко сгорает заживо. Далеко. Не могу помочь...

Опускаю бинокль, судорожно соображая.

Вижу, что с нашей стороны тоже есть потери. Но план все равно выполнен. Цель достигнута.

Оборачиваюсь, чтобы снова взглянуть на горящие поля Алмейды.

— Щедро заплати семьям убитых, Жорже.

— Обсудим в безопасном месте, — отвечает он, продол-

жая внимательно вглядываться в темноту вокруг нас.

Возвращаемся в башню.

Адреналин отпускает.

Пот градом. Переодеваюсь, принимаю душ.

Вода смывает грязь. Но не смывает запах гари. Он остается со мной. В голове. В сердце.

Наливаю кашаса. Глоток. Второй. Стало легче.

В голове — огонь, крики, смерть.

И это лишь начало. Я в своей стихии.

Откидываюсь на мягкую кровать. Нащупываю телефон на тумбе — пропущенный от Сени. Набираю ему.

— Мирон!

— Привет, брат. Чем порадуешь?

— Ничем. К сожалению. Анжелика замела следы настолько хорошо, что я... Мы с Олегом не можем ее найти. В соцсетях только фотки четырехлетней давности. Ни одного упоминания о выставках или художественных кружках. Я встретился с девушкой, которая работала у нее в студии несколько лет назад. Она сказала, что Анжелика в спешке отдавала реквизит почти даром.

Сердце больно защемляет в груди, будто всадили нож и повернули.

— Какого черта? — сажусь на кровать, стараясь дышать спокойно. — Я тебе сказал достань ее из-под земли! А ты вместо этого оправдываешься.

— Мирон, брат, я делал все, что мог! Я искал везде. Олег

сказал, если он не может найти — значит, ей кто-то помог спрятаться, замести все следы. Нет соцсетей, нет фотографий, нигде!

— Ты был у Катюхи?

— Да, ее мы нашли. Она в Ярославле. Ничего мне не сказала. Я пытался и по-хорошему, и по-плохому. Она на хер меня выставила, не пытаться же ее, беременную, в самом деле.

— Понял, — рычу я, — завтра займусь этим вопросом. Наберу тебе, как прилечу в Ярославль.

Сбрасываю звонок. Не могу поверить, чтобы Олег не мог отследить ее. Нигде не наследила, хитрая... Но это действительно слишком сильно для нее. И у меня ахуеть, какое плохое предчувствие на этот счет.

На следующее утро вскакиваю раньше будильника, отправляюсь налегке — ненавижу багаж. Возле машины меня уже ждет Катя. Без макияжа. Наверное, рыдала всю ночь над загубленными полями.

— Куда ты собралась? — намеренно грубо спрашиваю.

— С тобой. Одного тебя я не отпущу.

Молча сажусь в лимузин и включаю телек. По всем каналам обсуждают только одну новость — горят владения Рафаэля Алмейды. Музыка для ушей, услада для глаз. Полицейский уверяет, что Алмейда ответит по всей строгости закона за распространение этой дряни. Ага, а то полиция была не в курсе. Ухмыляюсь и меня это радует. Бразилия, как двухсторонняя монета — такая порядочная страна, ага. К черту,

она же граничит с Колумбией и все это лишь хороший пиар, чтобы прикрывать плохие делишки.

Надеюсь, Маттеус не включит телек и не убьет меня завтра за самодеятельность, он все еще хозяин своей империи.

Регистрация на рейс проходит быстрее, чем обычно. Лечу в Москву с пересадкой до Ярославля. Сам навещу подружку моей девочки. Бывшей. Она не моя. Черт!

Отчего-то я снова поддаюсь давно забытым чувствам.

Дурак.

Я столько сил приложил, чтобы выбить ее из своей непутевой башки. Так долго ебал Катю, искренне этим наслаждаясь. Очернял память Анжелики, лишь бы забыть все.

Выдыхаю и закрываю глаза, уютно устроившись в пассажирском кресле самолета.

Ладонь Констанции скользит по бедру, но я перехватываю ее руку, не глядя.

— Прекрати. Сейчас не время.

— Всегда не время, Мирон, — соблазнительно шепчет она мне на ухо, стараясь проникнуть в разум, — но разве это когда-то мешало?

— Я думаю. О важном, — отталкиваю ее руку от себя. — Твой талантливый рот подождет другого момента.

— Конечно, дорогой, подождет. А ты занят подсчетом овец, что ли? Или снова гредишь о своей хрупкой куколке, пока мы тут с тобой в дерьме по уши?

С этими словами она встает и уходит куда-то по коридору

самолета. Сука. Открываю глаза. Никогда за словом в карман не лезет и сейчас уколола. Неприятно.

Аэропорт Москвы, наконец-то. В воздухе пахнет чем-то до боли знакомым. Родиной, наверное. Почти год я куролесил везде, где угодно. Соскучился. Дождливая прохладная осень заставляет привычно хмуриться, разглядывая серых торопливых людей с багажом.

— Надо приодеться, — говорит сонная Катя.

Замечаю, что в своем легком платье она замерзает. Это все-таки не Бразилия.

— Зайдем в «Дьютик», — отвечаю, замечая, как в ожидании рейса дремлют люди. Почти полночь в Москве.

Захожу в один из бутиков. Не особо придираюсь, покупаю кожаную куртку и черную водолазку, в нетерпении поглядываю на часы — сорок минут до рейса в Ярославль. Ожидаю Катю. Ох, уж эти женщины! Слишком большой выбор им предоставлен.

— Мог бы взять мне кофе, пока ждешь, — произносит сладкий голос за моей спиной минут через двадцать ожиданий.

Оборачиваюсь — Катя в легком пальто шоколадного цвета и элегантном бежевом платье, черт бы ее побрал.

Играет рингтон. Катя мгновенно сбрасывает и прячет смартфон в сумочку.

— В самолете закажем, — разглядываю ее точеную фигуру с глубоким декольте. Схватился бы и разорвал по шву,

обнажая грудь...

— Я знаю, чего ты хочешь. Зачем сопротивляешься? У нас еще есть время... — гипнотическим голосом произносит змея. Искушает, заставляет изнывать от внезапно нахлынувшего против моей воли желания.

Медленно надвигаюсь на нее, оттесняя к стене, нарушая хрупкое равновесие между нами, и с голодом смотрю в ее жаждущие глаза.

— Перестань меня провоцировать, я же сорвусь и...

— Я этого и добиваюсь... — нагло прерывает она.

— Сделаю тебе больно.

— Я люблю боль, которую причиняешь ты, — она демонстративно облизывает губы и поворачивает в сторону голову, обнажая соблазнительную шею, подставляя мне себя.

Пальцы обхватывают ее шею, нежно, но цепко, словно удерживая дикую птицу. Констанция вздрагивает, но не отстраняется. Наоборот, подается навстречу, ищет большего контакта.

— Только не говори потом, что я тебя не предупреждал, — шепчу ей в самое ухо, обжигая ее кожу дыханием.

— Предупреждал много раз, — выдыхает она, и в этом слове — мольба и вызов одновременно.

Констанция прикрывает веки, и я ощущаю пульсацию яремной вены под пальцами. Горячая кожа возбуждает...

Наклоняюсь ниже, отдаваясь этому искушению, вдыхая аромат ее волос — смесь роз, терпкого черного кофе и опас-

ности. Губы касаются шеи, сначала легонько, словно пробуя на вкус, а потом — все настойчивее, с жадностью. Зубы слегка прикусывают нежную кожу, провоцируя короткий стон.

Я отрываюсь от ее шеи и поднимаю ее подбородок, заставляя смотреть мне в глаза.

Констанция притягивает меня к себе, впиваясь взглядом и проникая пальцами мне под куртку. Целует жадно, страстно, словно пытается доказать что-то себе и мне.

Отвечаю на поцелуй, отдаваясь безумию, которое охватывает нас обоих. С ней только так, бескомпромиссно. Руки скользят по ее телу, забираясь под ее полушубок. Констанция отвечает тем же, отбрасывая прочь все сомнения и страхи.

Слышу, как объявляют посадку на наш рейс до Ярославля и отрываюсь от ее губ.

— Нам пора.

Беру ее за руку — выдергивает ладонь.

— Мирон, — высокомерно говорит Констанция, — я заказала тебе номер в отеле в Ярославле. Отправлю адрес в мессенджер. Мне надо отлучиться по делам на какое-то время. Я буду на связи.

— Ты не летишь со мной? Какие у тебя могут быть дела, о которых мне неизвестно?

— Личные, — отвечает эта стерва, явно что-то замышляя, и уходит в неизвестном направлении.

Полет до Ярославля занимает менее часа. Я все думаю,

как общаться с подругой Анжи. У них действительно крепкая дружба. Возможно, она меня даже не пустит, но я должен постараться.

Набираю Олегу, как приземляюсь в аэропорту, он незамедлительно отвечает сонным голосом.

— Здорово! Уже прилетел?

— Ага, — отвечаю и попутно выискиваю в толпе встречающих Сеню. — Олег, мне надо, чтобы ты отправил данные с перемещениями Констанции через GPS.

— Да, могу, у нее телефон всегда с собой. А зачем тебе?

— Какого хера ты меня спрашиваешь? Делай, как сказал! И об этом никто не должен знать...

— Без проблем.

— Отлично, — отключаюсь и направляюсь к Сене.

— Братан, — обнимает меня Сеня, — не видел тебя целую вечность.

— Как дела обстоят?

— Норм, весь груз с прошлой недели толкнули, уже ожидаю еще. Фернандо сказал, что в пятницу будет новый лайнер.

— Чудесно.

Мы садимся в его тачку и направляемся прямиком к Кате, подружке Анжи.

— Как Маттеус?

— Херово, — неохотно отвечаю, — ему недолго осталось.

— Ты уже большой босс или вот-вот им станешь?

— Боюсь, что раньше, чем хотел бы... Маттеус уже не в состоянии заниматься делами, — пальцы нервно вздрагивают. Как прилетел в Россию, тяга к сигаретам дает о себе знать все чаще.

— Бля, ну он такой мужик здоровый, как же так... Здоровье, мать его, надо беречь.

Сеня паркуется возле обычного панельного дома.

— Я один пойду, — смотрю на часы, почти три ночи, но мне все равно. Мне любой ценой нужна информация.

— Как знаешь, но она тебя на хуй пошлет, однозначно. Четвертый этаж, сорок восьмая квартира.

Успеваю прошмыгнуть в подъезд, когда из него выходит какой-то собачник. Продолжаю думать, с чего начать, как бы вызвать у нее доверие. Доверие к себе?! Да я очень самоуверен.

Подхожу к ее квартире и нажимаю кнопку звонка. Слышится какое-то движение, возня. Не скрываюсь, смотрю в глазок, позволяю ей себя как следует рассмотреть.

Она открывает дверь. Симпатичная, белокурая подруга Анжелики — Катя. Все бы ничего, но ее огромный живот — это нечто.

Катя замечает, что я ее рассматриваю и заостряю на животе особенное внимание.

— Кто бы мог подумать. Мирон Романов здесь. И, позволь предположить, тоже ищешь Анжелику, как и Сеня?

Говорит с порога, не предлагает войти, да я и не навязываю.

ваюсь в гости.

— Угадала. Не скажешь?

— Нет. Я не знаю, где она.

— Знаешь, просто говорить не хочешь.

— Уходи, — дергает дверь на себя, но я подставляю ногу.

— Она в опасности. Помоги найти ее. Я не смог.

— Еще бы, — довольно улыбается она, — она не в опасности, Мирон. У нее защитник куда круче, чем ты. Оставь ее в покое. Вы давно разошлись, а тебе все нейдет?

— Ты просто не представляешь, кто может причинить ей вред. Я должен предупредить ее. Скажи. Ты самая адекватная из всех ее подруг.

— Спасибо, конечно, за столь высокую оценку, Романов. Но я не знаю ничего.

— Однажды ты уже помогла мне, когда ее похитили. Сошли ты мне тогда — Анжелика была бы мертва. Поверь и сейчас. Я преследую лишь одну цель — предупредить ее. Потом исчезну навсегда. Обещаю.

— Уходи, — закрывает дверь перед моим носом.

Черт! А чего я ожидал?! Ладно, попробую как-нибудь иначе. Я все равно ее найду. Но, если Олег не смог, значит кто-то реально хорошо спрятал мою бывшую жену.

Подхожу к лифту и нажимаю кнопку. Да, я немного расстроен, что так вышло. Но глупо было надеяться на ее помощь. Двери распахиваются передо мной.

— Мирон, — тихо слышу свое имя, — подожди.

Глава 8. Секрет Констанции.

Возвращаюсь к Кате.

— Только ты сейчас должен мне обещать, что оставишь ее навсегда. Анжелика слишком из-за тебя настрадалась, а сейчас у нее все в порядке.

То, что у нее все в порядке и радует, и душит одновременно. Такое идиотское, мерзкое ощущение с привкусом горечи.

— Обещаю.

— Мы, правда, не общались уже несколько месяцев. Анжелика замужем.

Дыхание останавливается.

— Она познакомилась с мужем на одной из выставок, он там спонсором был, — продолжает Катя, а у меня словно в ушах вата. — Зовут Миша, фамилию не знаю. Она вообще мало говорила о нем. Живет в Подмосковье. Дом супер крутой. Она фотки присылала.

Новость обрушилась на меня, как тонна дерьма. Сначала тупое оцепенение. Как будто в грудь воткнули ледяной кол. А потом... Ярость. Животная, первобытная. Такая, что искры из глаз летят. «Замужем?!» — эхом отдавалось в голове. Какого...?! Едва сдерживаю себя, чтобы Катя не различила эмоции, которые берут надо мной верх.

Ненависть клокочет в горле, прожигая все внутри. Сжечь все нахуй! Разнести в щепки. Найти этого ублюдка и вырвать

ему кадык!

Но потом, как сквозь пелену ярости, тихо пробивается холодный, едкий вопрос: а какого хера, собственно, ты бесишься, Романов? Сам же забил на нее, сам же сказал, что так будет лучше. Так какого черта тебя это ебет?

Вот тут-то и накрыло. Хуже. Злость на самого себя. За то, что не могу понять, почему меня так корежит. За то, что, кажется, все эти четыре года жил иллюзией, что она все еще моя, хотя и далеко. Что где-то в глубине души она ждет меня, как Лизи в «Сиянии». Ни хера подобного...

Катя открывает фотографии на телефоне и быстро пролистывает. Впервые вижу Анжелику за последние четыре года. Совсем забыл ее. Она такая... невероятная. Это вообще она? Красивая девушка с серьезным уверенным взглядом и белокурыми волосами, слегка вьющимися. Помню, в универе она наоборот выпрямляла их, а теперь... Ей очень идет.

— Маловато, Катя, для того, чтобы ее найти, — спокойно отвечаю, ежесекундно унимая своего бешенного зверя, который обгладывает изнутри кости ребер.

— Она посещает секцию бокса. По крайней мере, полгода назад очень активно этим занималась. Ей нравилось. Вообще, она очень изменилась.

— Интересно... — протягиваю, невольно поймав себя на мысли, что снова пялюсь на живот Кати. — Номер ее не дашь?

— Она с неизвестного звонит, у меня не определялся ни-

когда...

— Ну, спасибо.

Спускаюсь к Сене и, недовольный, все думаю о словах Кати.

— Обратно погнали в аэропорт, срочно возвращаемся в Москву.

— Что она рассказала? Серьезно рассказала?! Где ее искать?

— В Подмоскovie. Адрес не знает, — глубоко вдыхаю и бубню себе под нос, скорее, чтобы эта информация впечаталась мне в самый мозг, — Анжелика замужем.

Замечаю удивление на лице Сени и злюсь еще сильнее.

Боялся, что не смогу ее защитить, вот и оттолкнул. А теперь ревную, как побитый пес!

Собрал себя, как мог. Ярость — хуйня. Эмоции — для слабаков. Надо думать головой, как говорит Кайо.

Первое: выяснить, кто этот мудака, Мишаня, который посмел прикоснуться к моей... К бывшей жене. Второе: узнать, где его дом. И третье: решить, что с этим делать. Я не собираюсь лезть в ее жизнь, просто предупрежу ее и оставлю человека наблюдать какое-то время, пока Алмейда опасен. Потом навсегда пропаду из ее жизни. Навсегда. Не доверяю я тому мужику, с которым она сейчас. Лучше меня ее никто не защитит.

Но пока отложу поиск Анжелики. Надо разобраться с Констанциией. Она снова что-то замышляет, нутром чую.

Как бы не хотелось, но эту ледяную суку игнорировать нельзя.

Открываю приложение для слежки и вижу, что Катя колесит по Москве.

Пока ожидал рейс, думал, что буду делать, когда найду Анжелику. Похищу ее? Глупо...

А потом понял, что не знаю. Я впервые в жизни не знаю, что делать. И это самое страшное. И, когда произношу в своих мыслях ее имя, меня передергивает, как от алкогольного шота...

Кажется, что полет до Москвы длится целую вечность. Мозги кипят, кровь в венах — не кровь, а раскаленная лава из гнева, нетерпения и ярости. Ненавижу, когда все так долго.

Наконец приземляемся. Продолжаю молчать, Сеня, похоже, чувствует, что я озадачен, и не лезет с расспросами.

Открываю приложение — вижу машину Констанции на карте. Она в отеле. Похоже, будет ночевать там. Ладно, подожду утро, я обязательно узнаю все ее мрачные тайны.

— Мирон, возможно, я могу что-то сделать?

— Нет. Будь на связи, я сообщу, если мне что-то понадобится.

Заказываю такси и еду в свой особняк за городом. Сто лет не был дома. В мое отсутствие здесь всем командует Никита — мой школьный друг и отменный повар, а также управляющая Назокат и несколько горничных.

— Мирон! Афигеть! Друг, ты бы хоть предупредил, что возвращаешься, я бы состряпал такой ужин.

Никита подлетает ко мне и радуется, как ребенок.

— Занят был, — не скрывая радости от встречи, обнимаю его. — Дел до хера. Даже отдохнуть некогда.

— Проходи скорее! Накормлю, напою по высшему разряду.

— Мирон Андреевич! — в коридоре появляется Назокат. — Мирон Андреевич, я сейчас в вашей комнате постелю чистое белье. Как знала, что вы приедете, сегодня перебрала всю вашу гардеробную: стирала, гладила, развешивала, весь день убила!

— Ну ты огонь, Назокат. Обязательно туда завтра загляну. Оставшийся вечер Никита развлекал меня своими новостями. Надо сказать, накормил меня не хуже, чем в Бразилии. Периодически поглядываю в приложение на телефоне, отслеживая местоположение Кати — тачка все еще возле отеля.

Утром едва удастся разомкнуть тяжелые веки — я вымотался и устал. После душа набираю Жорже — Алмейда затих.

Жорже думает, что он слишком занят восстановлением своей репутации, месть пришлось отложить. Это мне на руку. Успею найти Анжелику.

Открываю приложение — Катя куда-то едет. Немедленно прыгаю в темно-синей «Bentley Continental» и отправляюсь

за ней.

Глаз не свожу с дисплея и преследую. Констанция — та еще змея. Она способна на любую подлость. И я должен быть на чеку. Нервно барабаню пальцами по рулю. Мозг лихорадочно просчитывает все варианты.

Спустя час замечаю, как точка на дисплее едет по улицам Подольска. Меня это очень настораживает. Я прослежу за Катей, а потом займусь поиском.

Взгляд сам находит в потоке машин ее белый «Мерседес». Три шестерки. Ей идет.

Соблюдаю дистанцию, чтобы не привлечь внимание. Эта хитрая сука меня интересует все больше и больше...

Минуя несколько перекрестков, она паркуется и направляется к частной школе, а я не отрываю от нее взгляд.

##Констанция##

Я слишком долго ждала этого момента. Плевать на правила и на последствия. Сейчас есть только одна цель — увидеть Захара. Моего мальчика. Моего сына. Которого я не видела... полтора года. Полтора проклятых года!

Стрелка спидометра зашкаливает, машина летит по подмосковным дорогам, вторя моей нетерпеливости. Подольск, ну давай же, приближайся! Сердце часто колотится в груди, ненавижу это беспочвенное ощущение, я же знаю, что будет дальше...

Черт бы побрал все эти тайные соглашения, гребаные условия и правила! Мне нельзя видеться с Захаром. Види-

те ли, это небезопасно для него. Это Он запретил. Что за чушь?! Я отдам за него жизнь, а Он говорит о безопасности!

Но что я могу сделать? У меня нет выбора. Я живу по чужим правилам давно, потому что хочу, чтобы мой сын находился в тени. Чтобы у него было все, чего он достоин. Чтобы он вырос в любви и заботе, даже если эта любовь и забота — не исходят от меня.

— Скоро, мой хороший, скоро я тебя увижу, — шепчу, открывая на телефоне галерею с его фотографиями за последний год. На снимке — семилетний мальчишка с моими глазами и его отцовской упрямой линией подбородка. Мой Захар. В нем вся моя жизнь.

Навигатор показывает, что я подъезжаю к частной школе, хотя я и без его подсказок отлично знаю дорогу к будущему мужчине, которому принадлежит мое сердце навсегда.

Торможу у ворот, делаю глубокий вдох и выдыхаю. Нужно успокоиться. Нужно быть уверенной. Выхожу из машины, поправляя солнечные очки. Набираю сообщение педагогу Захара. Она — та лазейка, которая у меня есть для встреч с ним.

«Я на месте, мне нужно десять минут».

Осматриваюсь. Все такое... правильное. Ухоженные газоны, красивые здания, дети в форме... Ненавижу это! Мой сын должен расти в другом мире. В мире, где нет места лицемерию и лжи. В мире, где все честно и открыто.

Но этого не будет. Я не могу ему этого дать. И обречена

терпеть весь этот театр.

Подхожу к воротам и ожидаю.

Наконец появляется Юлия Дмитриевна и нажимает кнопку на воротах, пропуская меня на территорию. Милая, улыбающаяся, вся такая правильная. Меня от нее тошнит.

— Здравствуйте, Юлия Дмитриевна.

— Здравствуйте, Констанция! — улыбается она.

Мерзкая мегера. Ждет...

Достаю из сумки увесистую пачку денег, спрятанную в бумажный пакет. И коробку конфет, разумеется. С улыбкой передаю ей. В ответ она также мило улыбается.

— Это за вашу лояльность, — говорю я. — И за то, чтобы вы забыли, что видели меня.

Женщина нетерпеливо ощупывает пальцами бумажный пакет. В ее глазах — жадность, как всегда. Прекрасно. Все продается.

— Ждите здесь, — возбужденно произносит она и скрывается за дверьми, а я снова ожидаю.

Каждая секунда длится, как вечность. Нервы на пределе. Я не должна была приезжать, но находиться рядом с Мироном и терпеть его выходки мне осточертело. Надо взять тайм-аут.

И вот, наконец, дверь открывается. На пороге стоит Захар. Мой Захар!

Он смотрит на меня, и его глаза наполняются слезами.

— Мама! — кричит он, бросаясь мне в объятия.

Я обнимаю его. Крепко-крепко. Прижимаю к себе. Вдыхаю аромат волос. Мой мальчик.

— Захар, мой хороший, — шепчу я, целуя его в щеку. — Как же я по тебе скучала!

Он плачет. Я тоже плачу. Счастье и боль смешиваются в одно целое.

— Мама, я тоже очень скучал, — говорит он, вытирая слезы. — Почему ты не приезжала так долго?

— Все сложно, мой хороший, — говорю я. — Но я всегда помню о тебе. Я всегда люблю тебя.

Не могу на него наглядеться. Он так вырос. Такой взрослый. Но в то же время — настолько маленький и беззащитный, что у меня сжимается сердце.

— Ты красивый, — говорю я.

Он смотрит на меня большими карими глазами, будто хочет навсегда меня запомнить, потому что не знает, когда мы снова увидимся...

— Я часто думаю о тебе. Я хочу позвонить, но у меня нет твоего номера. Папа ругается, когда я спрашиваю. Напиши мне свой номер на бумажке, я буду звонить тебе, — в надежде произносит он. — Никто не узнает, я обещаю, мамочка.

Я чувствую укол вины. Черт бы побрал этого ублюдка, моего бывшего мужа!

— Нельзя, Захар, — говорю я. — У тебя есть я. И я всегда вернусь. Верь мне.

Но время летит быстро. Слишком быстро. Я бы столько

еще хотела ему сказать, но не могу.

— Мне пора, мой хороший, — говорю, с трудом сдерживая слезы. Замечаю, как скользкая мегера выползает из-за двери.

— Захар, пойдем.

— Нет, мама, не уходи! — кричит он. — Пожалуйста, останься! Забери меня сегодня.

— Я не могу, Захар, — говорю я. — Но я обещаю, что скоро вернусь. Очень скоро.

Я целую его в лоб. Обнимаю еще раз.

— Я люблю тебя, мой мальчик.

— Я тоже люблю тебя, мама, — отвечает он и снова плачет. Старается сдержать слезы. Мой маленький мужчина. Я понимаю, что это так сложно — сдержать эмоции. Ты обязательно научишься, но не сегодня.

Отрываюсь от него. Смотрю ему в глаза.

Поворачиваюсь и ухожу. Не оглядываюсь. Не могу. Сердце разрывается на части.

Выхожу с территории школы. Сажусь в машину. Завожу двигатель.

Слезы текут по щекам, вытираю салфеткой.

— Все будет хорошо, — говорю я себе. — Все будет хорошо.

Но я не верю. Я знаю, что это всего лишь очередная ложь, которую я навязываю сама себе.

Давлю на газ. Машина срывается с места и мчится прочь

от школы. Прочь от моего сына.

Но какого черта я должна это терпеть? Нет. Ну уж нет!

Давлю на газ и отправляюсь к отцу моего любимого мальчика. Надо расставить все точки над «і».

Видео Мирона и Констанции в моем телеграм-канале и в группе ВК Eva_Tresor.

Глава 9. Глазам — не верь.

Какого хрена тут происходит?!

Я стою за деревьями, в нескольких десятках метров от ворот частной школы, и не верю своим глазам. Констанция? Здесь? С пацаном?!

Да быть такого не может! Эта ледяная сука, королева интриг и манипуляций, мать? Смешно! Это как увидеть черта в храме. Но она стоит там. Обнимает мальчишку, и в ее глазах... Сентиментальность?

Наконец, она отстраняется от ребенка, что-то ему говорит, и я вижу... Слезы? У Констанции, блядь, слезы на глазах?! Это вообще возможно? Она ж вроде, сука, из стали отлита. Идеальная во всем. Без чувств, без эмоций...

Смотрю, как она садится в свою машину. Дает по газам, словно за ней черти гонятся.

Все это начинает пахнуть дерьмом. Слишком много дерьма в одном месте. Сначала тонна секретов, теперь еще какой-то мальчишка. Что-то здесь не так.

Запрыгиваю в машину. Нужно проследить за этой таинственной дрянью. Узнать, куда она направляется и что задумала.

Держу дистанцию, чтобы она меня не заметила. Констанция обычно очень осторожна. Но сейчас... Сейчас она словно потеряла голову. Словно забыла про все меры безопасно-

сти.

Едет быстро, нарушает правила. Будто ее что-то подгоняет. Она решительно настроена.

Что это за гнев, Катя? Собралась сегодня пустить кому-то кровь?

Ее машина сворачивает с дороги и направляется в сторону окраины Подольска. Куда она едет? Поглядываю на карту и пытаюсь предположить, что творится в ее голове.

Набираю своему старому знакомому из полиции, с которым когда-то давно меня свел Никос, и который вел мое дело...

— Слушаю, — отвечает он.

— Это Романов, надо поговорить.

— Не знаю никакого Романова.

— В восемь на площади у часов.

— Вы обознались, — по-прежнему гнет свою линию он.

— Действительно, ошибся цифрой, — завершаю звонок.

Подольск... Констанция... Мальчик...

Мозги начинают плавиться от переизбытка информации. Слишком много переменных. Слишком много вопросов.

Она подъезжает к богатому особняку. Паркуется у ворот. Останавливаюсь на расстоянии, чтобы Катя меня не заметила. Наблюдаю.

Она выходит из машины, осматривается. Кажется, нервничает.

Что-то тут нечисто. Определенно.

Решаю сменить тактику. Нельзя тупо сидеть в машине и ждать, пока она что-то предпримет. Нужно быть ближе. Нужно видеть и, желательно, слышать.

Оставляю машину на обочине. Незаметно пробираюсь к многоэтажному дому, расположенному недалеко от особняка.

Захожу в подъезд. Третий этаж. Нахожу общую лестницу.

Отсюда отличный вид. Вижу Констанцию, стоящую у ворот. Охранник ей что-то говорит. Она ему отвечает. Слышно, как она повышает голос. Кажется, спорит.

Черт! Это очень интересно...

Наконец, охранник открывает ворота. Констанция проходит на территорию особняка.

Я достаю телефон, приближаю камеру.

Вижу, как она подходит к дому. Ее встречает какой-то мужчина, по виду — дворецкий или типа того.

Она внутри.

Теперь все становится еще более запутанным.

Наблюдаю дальше. Тишина. Никаких признаков жизни.

Что она там делает?

Сознание начинает мутить от догадок.

Стою на лестничной площадке уже минут пятнадцать, словно паршивый вуайерист. Пялюсь через камеру телефона, выбрав максимальное приближение, на особняк. И вот, наконец, свершилось — Констанция появляется в одном из окон второго этажа. Повезло, что оно распахнуто настежь.

Вид у Кати напряженный, как у загнанной в угол мыши. Слушает какого-то мудака.

Присматриваюсь к этому ублюдку. Высокий, широкоплечий, в костюме. На лице — самодовольство, словно он только что мир завоевал. Ему лет 40, волосы коротко стриженные. Взгляд — оценивающий и снисходительный, словно Констанция для него — всего лишь дорогая вещь.

Этот мудака что-то говорит, а Констанция слушает, опустив голову. Потом начинает спорить. Я вижу, как она жестикулирует, как сжимает кулаки, все происходящее ей определенно не нравится. Но этот тип остается невозмутимым. Она для него всего лишь надоедливая муха. И он явно не рад ее видеть.

Затем происходит то, чего я никак не ожидал. Он дает ей пощечину!

Констанция вздрагивает. Отшатывается. Но не отвечает. Просто смотрит на него с ненавистью.

Тут он хватается за горло. Прижимает к стене! Она задыхается.

Он продолжает что-то ей говорить. Я не слышу слов, но вижу, как двигаются его губы. Он будто ей угрожает. Приближаю камеру на всю.

А Констанция терпит! Молчит! Не сопротивляется!

Да это вообще возможно?! Констанция. Хладнокровная убийца, на счету которой куча крутых бандитов, терпит, блядь, насилие? От какого-то ушлепка?

Я не понимаю, что вижу...

Но постепенно в голове начинает складываться пазл.

Констанция терпит не потому, что боится его. Она не боится никого. Она слишком крута для этого дерьма.

Она терпит, потому что он для нее — не просто мужик в костюме. Он имеет на нее влияние.

Этот подонок отпускает Констанцию. Она отходит от него. Вытирает слезы.

Он что-то ей говорит. Она кивает.

Да пошло оно все к чертям собачьим! Что за гребаная Санта-Барбара тут разворачивается?!

Я во все глаза пялюсь в камеру телефона, ожидая, что увижу еще что-то...

Что это еще?!

К особняку подъезжает знакомая «БМВ» с уродливым одноголазым зайцем, торчащем в окне заднего сидения... Стоп, да это же... Да быть не может!

Охрана тут же, как по команде, открывает ворота. Машина въезжает на территорию. К горлу подкатывает ком. И... и из машины выходит она.

Анжелика.

Моя Анжелика!

Стоит, как видение, сука, из прошлого. Только... другая. Не такая, какой я ее помню.

Чтоб меня... Стала стройнее, такая подтянутая. Бесподобная фигура. Видно, что занимается спортом и следит за

собой.

Она и раньше была чертовски красива, но сейчас... Сейчас она просто сногшибательна. И этот образ... Этот элегантный костюм подчеркивает все ее достоинства. Уверенная походка, прямая спина... Словно она — королева, а этот особняк — ее трон.

В горле пересохло. Так давно не моргал, что глаза слезятся, будто кислоты прыснули... Боюсь прикрыть веки и обнаружить, что она исчезнет, как сон.

И она такая... Счастливая?!

Анжелика, как всегда, бережно захлопывает дверь машины и передает ключи охраннику. Тот расплывается в улыбке. Относится к ней с каким-то нездоровым уважением, граничащим с благоговением.

А она... Она просто улыбается в ответ. Легко, непринужденно. Словно все это — обычное дело.

Потом разворачивается и направляется к дому. Уверенно, спокойно. Словно это ее дом, и она здесь хозяйка.

Проклятье! Припоминаю фотографии, которые показывала Катюха, ее подруга. Дом из светлого кирпича с модными вставками. Анжелика запечатлена на фоне сада с огромным жасминовым кустом, что б его. Вот этот чертов куст!

Это какая-то гребаная ошибка. Не может быть, чтобы Анжелика была связана с этим местом. С этим мудаком. С Констанцией!

Но я вижу собственными глазами, как она идет к дому и

исчезает за дверью.

Все! Крышу срывает окончательно.

Вскакиваю с лестничной площадки, словно меня током ударило.

— Сука! — рычу, сжимая кулаки.

В голове — хаос. Вопросы без ответов. Догадки без подтверждений.

Но одно я знаю точно: Констанция, эта гребаная кобра, все знала. Она знала про Анжелику. Она знала про этот особенняк и про этого мудака...

И молчала!

Почему?! Что она задумала?! Что за гребаную игру она ведет?!

Ярость захлестывает меня с головой. Хочется разнести все к чертям! Убить кого-нибудь! Сломать что-нибудь.

Но я сдерживаюсь. Потому что знаю: сейчас главное — не поддаваться эмоциям. Нужно подумать.

И я все выясню. Сегодня же.

Жду.

Снова жду.

Уже прошло около двадцати минут. Всматриваюсь в открытые окна, жалею, что не могу взглянуть с другой стороны дома, возможно, там что-то интересное.

Внутри все клокочет от ярости и нетерпения. Хочется ворваться туда. Вытащить Констанцию за волосы. Прижать ее к стенке и вытрясти из нее всю правду.

Но так нельзя. Нужно дождаться, когда у меня будет информация. И тогда... Тогда я решу, что делать дальше.

А пока я просто сижу здесь.

Смотрю на особняк. На окна. На двери. Пытаюсь увидеть Анжелику. Пытаюсь понять, что она там делает.

Мысль, что она больше не со мной пронзает, словно удар ножом. Раз за разом. Резкие удары в самое сердце, которого, как я всегда подозревал, у меня нет!

Дверь открывается и яростная фурия — Констанция спешно покидает территорию, направляясь к машине. Охрана провожает ее взглядом, пуская слюни.

Катя дает по газам и уезжает. Не вижу больше смысла преследовать ее. У меня появились свои дела.

Надо успеть доехать до места встречи, если он все-таки придет. А я отчего-то уверен, что придет. Он жаден до денег, расчетлив и осторожен. В наше время — это скорее перечень плюсов Егора.

Спустя полтора часа я добираюсь до места встречи. Подхожу к часам и наблюдаю фигуру с местной газетенкой, больше похож на сутенера или того хуже: кепка, черные очки, светлый костюм и дамская собачонка на поводке. Едва сдерживаюсь, чтобы не засмеяться или отпустить шуточку.

— Маскируешься, Егор?

— Романов, напугал, — вздрагивает он, — ты сказал восемь. Ты не пунктуален! Я собирался уходить.

— Но ты же здесь. Разговор есть.

Мы удаляемся от людного места и направляемся к небольшому скверу, скрываясь в тени деревьев на скамейке.

Егор сидит, словно не знает меня, отвернулся в сторону, прям шпион из восьмидесятых.

— Ну, что, говори, — начинает он.

— Короче, я должен знать все о двух людях.

— Инфа нужна, значит...

— Да. За нее я хорошо заплачу.

— Разумеется, — улыбается Егор.

Открываю на телефоне фотографию Констанции и того мудака, который поднял на нее руку. Егор опускает мою руку ниже и как бы невзначай делает несколько фотографий с моего телефона. Гребаный параноик.

Я не могу сдерживаться и ржу в открытую.

— Заткнись, Романов, — шипит Егор.

— Ну, бля... — пытаюсь собраться, — Егор, иди ты в жопу. Кому ты, на хуй, сдался?

— Никому, пока я предусмотрительный и осторожный.

Закатываю глаза, хмыкаю.

— Ладно. Сколько с меня?

— Много, Романов. Надеюсь, ты взял много. Оплата вперед.

— Оплата у меня в этом пакете. Как мне тебе его передать? Указания будут?

— Да. Иди вперед по дороге и выброси пакет в траву. Медленно и аккуратно, когда не будет прохожих.

— Бля... ебанный цирк. Как я получу инфу? Ты мне азбукой Морзе настукивать будешь?

Взрываюсь, не могу больше сдерживаться.

— Романов, рот закрой. Это вообще большой риск, что я сюда пришел.

— Нет, Егор, ты просто хочешь бабло.

— Никаких имен, никаких!

— Хорошо, мистер Никто. Я свободен?

— Да, иди медленно и сделай так, как я сказал. Пусть сначала вон та бабка с собакой пройдет. Потом кидай пакет. Просто Эдди не любит собак. Он брешет, как падла.

— Инфа нужна с утра. Ты понял?

— Как получится.

— Нет, Егор. За то, что лежит в этом пакете, инфа нужна с утра.

Егор дергает ошейник, чтобы собачонка далеко не отбегала, и делает вид, что ничего не слышал. Говнюк.

Хмыкаю и поднимаюсь со скамейки.

Делаю все, как он говорит и возвращаюсь к машине.

Заезжаю в один из ресторанов, которые открыты в десять вечера и заказываю себе мясо. Ничего сегодня не ел, да и не тренировался пару дней. Тело требует нагрузку. Кайо выбил бы из меня это дерьмо, но он далеко.

Пока поглощаю пищу, созваниваюсь с Сеней и Толиком — дела идут, как по маслу. Жорже отпрапортовал, что со слов нашего информатора, Алмейда сильно занят. Фернандо

огласил длинный подробный отчет по прибыли в этом месяце. Ебать, я все еще богат. Отлично. Решаю не возвращаться домой — далеко.

Снял номер в одном из ближайших отелей и вырубился, как мертвый.

Открываю глаза. Вчерашний день — сплошное месиво из злости, отчаяния и недоумения. Впервые в жизни я шокирован.

Протягиваю руку к тумбочке. Нащупываю телефон. Заряд почти на нуле. Хуево.

Десять пропущенных вызовов от Жорже. И куча анонимных голосовых сообщений.

Нахмурившись, включаю первое...

##Констанция##

Охрана сопровождает меня в кабинет бывшего мужа.

Дорогой костюм, стрижка, лоск сытой жизни. Все кричит о том, что деньги для него — пыль. И что он считает себя вправе судить тех, кто этих денег лишен. Ничего не меняется...

Его кабинет слишком вылизан и идеален. Все расставлено по линеечке, как он любит. Хочется перерезать кому-нибудь горло и немного испачкать полы кровью, просто чтобы нарушить эту стерильность.

Он смотрит так, словно я — грязь под его ногами, с неприкрытым презрением. А ведь когда-то... Когда-то он клялся в вечной любви и гонялся за мной по всем странам... Как же

все это смешно и мерзко.

— Тебе повезло, что Захар в школе, — цедит он сквозь зубы. — Иначе охрана пристрелила бы тебя еще возле ворот. И вот тут во мне что-то ломается.

Терпение, с которым я шла сюда, трескается, как лед под ногами.

Захар. Мой обожаемый мальчик. И этот... этот ублюдок считает себя вправе решать, когда я могу его видеть?!

— Я хочу видеть своего сына, когда захочу! Мне не нужно на это твое разрешение. Я его мать! — выплевываю, теряя всякий контроль. Голос дрожит, но в нем звучит уверенность, потому что я набралась наглости и приехала сюда. Я не позволю ему меня унижать и решать за меня.

Идиотка. Надо было сдержаться. Надо было промолчать. Но я не могла. Когда дело касается Захара, я перестаю быть разумной.

Глаза Миши наливаются кровью. В мгновение ока он оказывается рядом. Хлесткая пощечина обжигает щеку.

Боль ослепляет. Унижение душит.

Но это только начало. Он хватает меня за горло. Сжимает. Дышать становится невозможно. Воздуха ничтожно мало!

Прижимает к стене. Грубо. Больно. Словно я — сломанная вещь, которую можно швырнуть в угол, а не мать нашего ребенка.

— Будет так, как скажу я, — рычит он мне в лицо. — Нет. Ясно?

В глазах — ненависть.

— У тебя была возможность быть его матерью. Вспомни, как ты поступила, двуличная дрянь! Ты опасна для Захара, — продолжает он. — Ты... ненормальная.

Слезы. Они предательски текут по щекам. Не от боли. От обиды и бессилия, от осознания того, что я действительно не могу защитить своего ребенка.

Он прав. Я опасна. Я живу в мире, полном насилия и лжи и окружена убийцами. Я не могу оградить Захара от всего этого. И сейчас я не могу ничего предпринять, даже если он захочет убить меня...

— Если ты еще раз появишься здесь без предупреждения, — шипит Сарычев, — я запрещу тебе видеть Захара вообще. Или... Я могу связать тебя, мразь, и отдать на потеху всем своим телохранителям. А после этого я лично и с большим удовольствием порублю тебя на мелкие кусочки и расфасую по пакетам... Запомни это...

Он медленно разжимает пальцы. Я падаю на пол, глотая воздух.

Больно. Физически и морально.

Смотрю на него снизу вверх. Он стоит, как статуя, не дрогнув ни единым мускулом. Самодовольный, надменный, уверенный в своей правоте.

Он думает, что победил, и я больше не посмею перечить. Поднимаюсь с пола. Смахиваю слезы. Смотрю ему прямо в глаза.

— Ты пожалеешь об этом, — тихо, с нескрываемой угрозой, произношу я. — Ты очень сильно пожалеешь.

— Закрой рот, — тихо произносит он и пристально смотрит на меня. — Взгляни на себя. Кем ты стала?

— Хочу задать тебе тот же вопрос...

— Я больше не буду предупреждать. Хорошо подумай, если решишь снова явиться в мой дом. Очень хорошо. А теперь... Проваливай.

И ухожу. Оставляю его в этом стерильном кабинете.

Но я вернусь. Обязательно вернусь. И я заберу Захара.

Потому что он — мой сын. И я не позволю никому его у меня отнять.

Спускаюсь по чертовой лестнице вниз, отмеряя каждый свой шаг громкими звуками каблуков, и сталкиваюсь в коридоре с ней.

Анжелика.

Она смотрит на меня слишком внимательно. Как будто пытается что-то вспомнить или понять. Неприятное чувство, будто тебя разглядывают не глазами, а пальцами. Медленно, на ощупь.

Конечно, не узнаёт. И не должна. Откуда ей знать, что я теперь сплю с Мироном...

Задерживаю на ней взгляд немного дольше. Любопытство — плохая привычка, но иногда полезная.

Вот она какая.

Не хрупкая. Не та, какой её рисовали в чужих рассказах.

Мирон никогда о ней не говорил. Я довольствовалась лишь слухами.

В ней нет показной мягкости, которую обычно приписывают таким, как она. Держится прямо. Спокойно. Без лишних движений. Взгляд — собранный. Она не теряется.

Интересно.

Мирон любил не это. Он любил идею. Тихую, удобную и безопасную. А передо мной сейчас стоит человек, который явно умеет жить без чьей-либо защиты.

Значит, либо он врал себе, либо я чего-то не понимаю.

Я позволяю себе скользящий взгляд по её одежде, по жёстам, по тому, как она дышит — ровно, без суеты. Здесь нет беспомощности. И уж точно нет глупости, на которую я рассчитывала.

Это раздражает.

Потому что проще было бы, окажись она именно такой — пустой, предсказуемой.

Но она сложнее.

И, что хуже, Анжелика — на своём месте. В этом доме. В этом пространстве. В чужой жизни, в которую я только что вломила с криками и угрозами.

Неприятное ощущение.

Лишняя здесь я.

Отвожу взгляд первой. Просто не вижу смысла продолжать этот немой разговор.

Пусть остаётся в своём аккуратном мире. Пока.

Я всё равно сломаю его, если потребуется.

А она...

Она просто окажется внутри.

Видео 18+ с Мироном и Констанцией в моем телеграм-канале и ВК группе Eva_Tresor

Глава 10. Сколько веревочке не виться...

Трек к главе: ЕМО – Promises . Включаем и наслаждаемся чтением.

##Констанция##

«Мерседес» мягко скользит по вечерним улицам. Витрины отражают мое лицо — спокойное, чуть уставшее. Чужое.

Я почти проезжаю мимо, когда взгляд цепляется за переулок.

Стоп.

Резко сбрасываю скорость.

Знакомый силуэт. Темный кузов. Линии, которые я узнала бы из тысячи.

Машина Мирона!

Сердце делает короткий, злой удар.

Не может быть.

Останавливаюсь чуть дальше, будто случайно. Не поворачиваю головы сразу — сначала проверяю зеркала, боковое стекло, отражения. Только потом смотрю.

Да. Это он. Но самого его нет.

Интересно.

Пальцы медленно сжимаются на руле.

Значит, решил поиграть.

Вынюхивает информацию о моем прошлом.

Внутри что-то сдвигается — не страх, нет. Скорее, раздражение. Тонкое и острое, как надрез. Я слишком долго выстраивала все это, чтобы кто-то начал разбирать по кускам из любопытства или... из чувства собственности.

Он видел?

Или только начал копать?

Вопросы всплывают быстро, один за другим, но паники нет. Паника — это роскошь для тех, кому есть что терять прямо сейчас.

У меня — нет.

Придётся выяснить, насколько глубоко он влез. Понять, что именно успел заметить. И решить, что с этим делать.

Губы чуть изгибаются.

Он, наверное, думает, что контролирует ситуацию.

Что наблюдает или защищает.

Наивный.

Трогаюсь с места, плавно возвращаясь в поток.

Если Мирон начал эту игру — значит, придется объяснить ему правила.

И лучше бы ему быстро учиться.

##Мирон##

«Мирон, это я», — говорит голос-робот, и я хмыкаю от подобного уровня конспирации, вслушиваясь в его голос. — «У меня есть кое-какая информация про твою женщину. Ее зовут Кристина. Слушай внимательно».

Охренеть, дайте две! Констанция — Кристина? Какого черта?!

Слушаю дальше.

«Ее настоящее имя — Кристина Веринская, тридцать четыре года. Английский, португальский, испанАйкидо, дзюдо. Ее мастерство в ножевых боях настолько выдающееся, что это отметили в личном деле. Разумеется, огнестрел для нее — как продолжение руки.

Первое упоминание о ней — полиция в 2014 году. Потенциал был слишком высок, чтобы оставаться там. Ее завербовали в теневую структуру, которая выполняет засекреченные миссии: разведывательные операции, задания за рубежом, нейтрализация опасных преступников. Африка, Украина — она побывала в самых горячих точках.

Официально, в 2019 году, Кристина Веринская погибла при выполнении правительственного задания. Но мои источники намекают на другое. Думаю, она сменила имя и исчезла, оставив все позади».

Что Констанция — далеко не ангел, я и так знал. Но биография впечатляет... Это очень интересно. То, что она была убита, конечно, просто пиздец. Скрылась от кого-то?! Кристина... Вот, кто ты, Констанция Шатийон.

Включаю следующее сообщение.

«Была замужем. За бизнесменом Михаилом Сарычевым с 2016 по 2019 год. От брака имеется сын. Сарычеву принадлежат четыре крупных торговых центра в столице. Очень

влиятельный тип. Связи в правительстве, в криминале. Он оказывает консультации, как юрист. Осторожнее с ним».

Блядь, вот это уже серьезно. Мишка Сарычев... Никогда не слышал о нем.

Констанция, то есть Кристина, была женой этого человека?!

Егор также отправил фотографии Сарычева. Смотрю. И у меня отваливается челюсть.

Тот самый мудака в дорогом костюме! Тот самый, который вчера избивал Констанцию в особняке! Тот самый, из-за которого у меня чуть не случился сердечный приступ.

Сука! Все становится еще более запутанным.

Прослушиваю следующее сообщение.

«Сарычев женился второй раз на Анжелике Курагиной, дочери убитого бизнесмена — Виктора Курагина».

Пиздец, как больно... Сердце, словно трещит по швам и сейчас бомбанет, забрызгав все кровью в радиусе километра...

«И напоследок, — говорит роботизированный голос в последнем сообщении. — Вот тебе фотографии с их свадьбы. Инфа засекречена. Надеюсь, у меня не будет проблем. Мой совет — не лезь в это. Но знаю, ты не прислушаешься.»

Счастливая, улыбающаяся Кристина в белом платье. Со всем не похожа на нынешнюю жесткую Констанцию. Рядом с ней — Сарычев. Моложе, увереннее, но уже с этим холодным взглядом.

Безжалостный тип, я чувствую это нутром.

... И еще одна фотография, но уже с Анжеликой. Он смотрит на нее, как на сокровище, особенным взглядом, полным, блядь, любви! А она в невероятном прекрасном белом платье, которого я ее бесцеремонно лишил на нашей регистрации... а она так хотела почувствовать эту магию... Я эгоистичный безмозглый придурок... Но тогда это быстрое решение было необходимо, как я считал.

В голове проносятся обрывки вчерашних событий. Анжелика в особняке. Констанция в слезах. Сарычев, поднимающий на нее руку. И теперь — информация от Егора.

Все складывается в какую-то гребаную головоломку, в которой не хватает нескольких ключевых элементов.

Раз Констанция скрывала свое прошлое столько лет от меня, значит, на это есть причины, и какие? Я хочу их знать. Маттеус сказал спросить у нее, она мне не ответила. Надо попробовать поговорить на чистоту еще раз.

Анжелика... в этом чертовом особняке... с ним!

Я начинаю представлять, как он касается ее. Как его грязные руки скользят по ее телу. Как он целует ее... этими мерзкими губами...

Блядь!

Внутри все переворачивается. Ярость захлестывает, как цунами. Хочется вырвать ему кадык голыми руками!

Представляю, как он имеет ее. Как она кричит... От боли? От отвращения? Или... от удовольствия?

Эта мысль — как удар под дых. Больно, сука, больно!

Не понимаю, что со мной происходит. Почему меня так выворачивает? Почему так бесит, что она может быть с ним?!

Я же сам ее отпустил. Сам решил, что так будет лучше. Так какого хрена я сейчас ревную, как терпила?!

Может, дело в том, что это Сарычев? Этот самодовольный ублюдок, который считает себя хозяином жизни, также, как и я?

А может, дело в ней? Может, я до сих пор к ней не равнодушен?

Нет. Бред.

Однажды я произнес ей слова любви и больше не могу. Я давно похоронил все чувства. Забыл, что это такое.

У меня нет сердца. Это все романтическая чушь, в которую я никогда не верил. Это Анжелика так влияла на меня! Превратила меня в сентиментального уродца, который не мог прожить и дня без ее прекрасных глаз.

Констанция была и остается моим лекарством от этой бесполезной херни, терзающей сердце.

Тогда что за гребаные эмоции разрывают меня изнутри? Что за боль сжимает мое горло?

Пишу Жорже в мессенджер — мгновенно получаю ответ. Писанина с миллионом восклицательных знаков. Копирую и вставляю в переводчик, чтобы перевести с португальского.

«Босс, Алмейда собирается в Россию. Прилетит он не

один, а с армией вооруженной охраны. У него есть информатор в вашей стране. Будь осторожен. Источник — наш человек среди его бойцов. Очень надежный человек».

Дерьмо!

Еду домой, надо продумать, как встретить этого ублюдка.

Набираю Сене.

— Мирон, здорово!

— Привет, брат! Слушай. Тут гости скоро нагрянут. Не самые доброжелательные. Но играть они будут на нашей территории. Я по чистой случайности нашел Анжелику.

Рассказываю ему весь бред, который вчера наблюдал на трезвую голову, Сеня тоже в ахуе от этих событий.

— Смотри, что надо сделать. Отследи ее маршрут: где тренируется, где работает, как отдыхает. Не отходи от нее ни на шаг. Инфу скину тебе в сообщении. Надо установить камеру, хотя бы одну. Желательно, на работе. Я должен контролировать ситуацию. Если узнаешь что-то важное, сразу набирай мне. Не пиши в чертов мессенджер, у меня нет уведомлений!

— Все сделаю, отчитаюсь.

— Давай.

Почти сутки сплю в отеле. Просто не хочу ничего делать, мои черные мысли не дают мне успокоиться. Добираюсь до дома около девяти вечера.

— Мирон, здорово! — Никита направляется ко мне по коридору. — Ты торопишься что ли?

Он разглядывает меня. Да, видок, как у черта.

— Дел много, заебался.

Никита отчего-то хитро улыбается, но я даже не интересуюсь. Направляюсь в свою комнату.

Смываю остатки вчерашней злости и чертовых мыслей под обжигающим душем. Напряжение немного отступает, но голова все еще гудит, словно растревоженный улей. Включаю ледяную воду — ощущаю миллионы игл по коже, отрезвляет... Выхожу из душевой кабины, вытирая капли с тела полотенцем.

Делаю шаг из ванной в комнату и...

Резкий удар по голове! Звук разлетающихся осколков.

Боль адская! Искры из глаз! Все плывет, словно я выпил ящик текилы.

Теряю равновесие.

Инстинктивно хватаюсь за затылок. Боль дикая, пульсирующая. Что-то липкое течет по шее. Кровь, сука!

Резкий рывок за руку! Мне жестко дают под дых коленом, выбивая последний воздух из легких, и заваливают спиной на кровать.

Холод металла на запястье.

Щелчок!

Одна рука стянута металлическим обручем, ее дергают к изголовью кровати, чтобы захлопнуть...

Напрягаюсь, игнорируя боль. Сквозь пелену пытаюсь сфокусировать зрение. Открываю глаза.

И вижу ее.

Констанция!

Она рядом со мной, словно хищная птица. Одержимая, яростная женщина.

Секунда — она запрыгивает сверху на меня, пытаюсь схватить вторую руку. Хочет надеть на меня наручники.

Но я успеваю среагировать. Инстинкт самосохранения срабатывает мгновенно.

Смыкаю пальцы на ее горле.

Довольно оскаливаюсь.

Она допустила ошибку, думала, что сможет меня одолеть.

Но она, сука, просчиталась.

— Если тебе хотелось разнообразия в сексе, так и сказала бы, — сжимаю ее шею сильнее. — На хуя этот спектакль?

Она пытается вырваться. Царапает мою руку, крепко сжимающую ее горло. Но я не отпускаю.

— Ты следил за мной, зачем?! — кричит она в ярости. В голосе — чистейший гнев и отчаяние.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.